

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, featuring a repeating motif of stylized leaves and flowers, enclosing the central text.

Вильям Шекспир

**ДВЕНАДЦАТАЯ
НОЧЬ**

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОРСИНО, герцог иллирийский.

СЕБАСТЬЯН, брат Виолы.

АНТОНИО, капитан корабля, друг Себастьяна.

КАПИТАН корабля, друг Виолы.

ВАЛЕНТИН } придворные Орсино.
КУРИО }

СЭР ТОБИ БЕЛЧ (ТОБИ), дядя Оливии.

СЭР ЭНДРЮ ЭГЬЮЧИК (ЭНДРЮ).

МАЛЬВОЛИО, дворецкий Оливии.

ФАБИАН, слуга Оливии.

ШУТ ФЕСТЕ (ФЕСТЕ).

ОЛИВИЯ, богатая графиня.

ВИОЛА, сестра Себастьяна.

МАРИЯ, служанка Оливии.

ПРИДВОРНЫЕ, СВЯЩЕННИК, МОРЯКИ, ОФИЦЕР,

СТРАЖНИК, МУЗЫКАНТЫ и ДРУГИЕ СЛУГИ.

Место действия — столица Иллирии; берег моря.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Дворец герцога Орсино.

Входят ОРСИНО, КУРИО, ПРИДВОРНЫЕ и МУЗЫКАНТЫ.

ОРСИНО. Гармонией питается любовь,
Поэтому играйте, чтобы страсть,
Наевшись до отвала, умерла
От пресыщенья. Вот он, тот мотив,
Те звуки, ниспадающие нежно
Мне прямо в душу, — точно теплый ветер
Фиалкам возвращает луговым
Украденный у них же аромат.
Ну, хватит, надоело! А когда-то
Я эту песню слушал без конца.
О дух любви! Бодришь ты и пьянишь,
И, словно океан, вбираешь все.
Но мигом все меняется в тебе:
И ценность подвергается уценке,
И нечто превращается в ничто.
Настолько чудны образы любви,
Что лишь воображение чудесно. —
Что, Курио, тебе?

КУРИО. Вы на охоту
Сегодня собираетесь, милорд?

ОРСИНО. Не знаю.

КУРИО. Затравили бы оленя...

ОРСИНО. Я сам затравлен — самому себе
Кажусь животным этим благородным.
В тот дивный миг, когда глаза мои
Оливию увидели впервые,
Целебным ядовитый воздух стал,

А я — оленем. С той поры меня
Мечты мои, как бешеные псы,
Немилосердно гонят.

Входит ВАЛЕНТИН.

Как дела?

Что говорит она?

ВАЛЕНТИН. Милорд, простите,
Меня к ней не пустили, но служанка
Ответила мне так: лица графини
И воздух не овеет до тех пор,
Пока семь раз не сгинет летний зной.
Удел ее: монашеский платок
И темные покои, где она
Солеными слезами истекая,
Почившего оплакивает брата,
Чей образ будет вечно молодым
В ее печальной памяти хранится.

ОРСИНО. Какое сердце! Дивное созданье!
Уж если брату отдает долги,
То как она полюбит, если в ней
Все мысли посторонние сожжет
Любовью золоченая стрела;
А сердце, мозг и печень — три державы,
Исполненные девичьих достоинств,
Один король захватит. — Выйдем в сад,
Где и меня, и мой любовный хмель
Заворожит цветочная постель.

(Уходят.)

Сцена вторая

Берег моря.

Входят ВИОЛА, КАПИТАН и МОРЯКИ.

ВИОЛА. Случайно не в Иллирию, друзья,
Попали мы?

КАПИТАН. В Иллирию, миледи.

ВИОЛА. Здесь нечего мне делать, если брат
В Элизеум ушел. Была ль возможность
И у него спастись, мой капитан?

КАПИТАН. У вас была возможность — вы спаслись...

ВИОЛА. Мой бедный брат, он тоже выплыть мог.

КАПИТАН. Конечно, мог. И я вас успокою.

Когда, покинув тонущий корабль,
Вы и остатки спасшейся команды
Забрались в шлюпку, я успел заметить,
Что брат ваш не утратил хладнокровья,
Призвал на помощь смелость и надежду,
Себя к обломку мачты привязал,
Что рядом оказался, и по морю
Поплыл, как на дельфине Арион.
Пока его я видеть мог, с волнами
Справлялся он.

ВИОЛА. Вот золото тебе
За сообщение. То, что мы в живых,
Дает мне право уповать на чудо
И весу придает твоим словам,
Что брат мой тоже выжил. Эта местность
Тебе знакома?

КАПИТАН. Как еще, мадам!
Неподалеку, в трех часах ходьбы
Родился я и вырос тоже здесь.

ВИОЛА. Кто правит краем?

КАПИТАН. Герцог благородный,
По имени и крови дворянин.

ВИОЛА. Зовут его...

КАПИТАН. Орсино.

ВИОЛА. Как же! Помню.

Отец мой часто говорил о нем.
Он неженат как будто?

КАПИТАН. Неженат;
По крайней мере, так оно и было,

Когда я пару месяцев назад
Отсюда выехал. Однако люди
Еще тогда судачили, что герцог —
Им только бы о герцогах судачить! —
Намерен завладеть рукой и сердцем
Оливии прекрасной.

ВИОЛА. Кто такая?

КАПИТАН. Графиня, благородная девица.
Отец ее скончался год назад,
А тут и брат, надежда и опора
Своей сестры, скоропостижно умер.
По слухам, в память о любимом брате
Она ни с кем, тем более с женщиной,
И видаться не хочет.

ВИОЛА. Вот бы мне
На службу к этой леди поступить,
Но объявить о том, кто я такая,
Не сразу, а как случай подвернется.

КАПИТАН. Не стоит вам рассчитывать на это,
Поскольку даже герцога она
К себе не подпускает.

ВИОЛА. Капитан,
Ты, кажется, надежный человек.
И хоть порой природа наполняет
Сосуд прекрасный сущюю отравой,
Ты вроде на злодея не похож:
Твой внешний вид к лицу твоим поступкам.
Тебя озолочу я, если ты
Меня не выдашь и поможешь мне
Наняться в услужение Орсино;
Ну, и снабдишь одеждою такою,
Чтобы для этой цели подходила.
Допустим, евнух я, — ты подтвердишь.
А что: я петь могу, могу играть
Почти на всем, что звуки издает —
И герцог ничего не заподозрит.
Итак, я — евнух. Ты же до поры
Молчи как рыба, не ломай игры.

КАПИТАН. Уже молчу. Но если на беду
Игру сломаю — в евнухи пойду.

ВИОЛА. Отлично! Проводи меня.

(Уходят.)

Сцена третья

Дом графини Оливи.

Входят ТОБИ и МАРИЯ.

ТОБИ. Ну, у меня и племянница! Совершенно очумела. Сколько можно поминать своего умершего брата? Сама, того и гляди, окочурится с горя.

МАРИЯ. Зато вам, сэр Тоби, не мешало бы приходить домой засветло. Сколько можно шляться по ночам? Вашу, как вы говорите, племянницу и мою госпожу это просто бесит.

ТОБИ. Ну, и бес с ней, пусть бесится.

МАРИЯ. Неприлично что ни день являться домой в таком непотребном виде.

ТОБИ. Неприлично? Чепуха. Для кабака вид у меня как раз приличный: в такой одежде я могу употребить что угодно. И в таких сапогах. А кому это поперек горла, пусть повесится на собственных подвязках.

МАРИЯ. Когда-нибудь пьянки да гулянки встанут вам именно поперек горла. С какой стати вы ни свет ни заря приволокли в дом этого горе-кавалера? Болван болваном, а туда же: свататься к миледи. Она сама мне сказала.

ТОБИ. Кого ты имеешь в виду? Сэра Эндрю Эггючика?

МАРИЯ. Кого ж еще!

ТОБИ. Это молодец, каких мало в Иллирии.

МАРИЯ. Молодец против овец.

ТОБИ. Ты это брось: у него три тысячи дукатов в год доходу.

МАРИЯ. Он свой доход просаживает с ходу. Редкостный олух и транжира.

ТОБИ. Вот ведь! несет явную чушь и не краснеет! Если хочешь знать, он играет на виола-да-гамбе, без остановки лопочет на трех-четырёх языках одновременно; одним словом, природа одарила его на славу.

МАРИЯ. Обдурила! Славный дурак вышел, к тому же ерепенится сверх всякой меры. Если бы он, будучи отъявленным трусом, не умирал в себе скандалиста, то, по словам знающих людей, давно бы уже мирно лежал в гробу.

ТОБИ. Дам руку на отсечение, что твой всезнайки — наглецы и подлецы. Никто не смеет так отзываться о нем.

МАРИЯ. Кое-кто добавляет, что вы с ним пьете в три горла с утра до ночи.

ТОБИ. А почему бы не выпить? Здоровье моей племянницы того стоит. Если я когда-нибудь перестану пить за нее, пусть у

меня отсохнет глотка, а вино в Иллирии иссякнет. А все не пьющие за мою племянницу вплоть до коловращения мозгов, — трусы и сволочи. Стой, радость моя. *Castiliano vulgo!* Кажется, к нам пожаловал сэр Эндрю Эгьюпшик.

Входит ЭНДРЮ.

ЭНДРЮ. Привет, сэр Белч! Как дела, сэр Тоби?

ТОБИ. Никак, дорогой сэр Эндрю.

ЭНДРЮ. Бог с тобой, сварливая красотка.

МАРИЯ. И с вами, сэр.

ТОБИ. Никак зацепило, сэр Эндрю? Смотрите: зацепило!

ЭНДРЮ. Что это, сэр Тоби?

ТОБИ. Камеристка моей племянницы.

ЭНДРЮ. Мистрис Зацепило, давайте познакомимся получше.

МАРИЯ. Давайте, сэр. Правда, меня зовут Мэри.

ЭНДРЮ. Правда? Тогда, мистрис Мэри Зацепило...

ТОБИ. Все не так, рыцарь. «Зацепило», значит, «затянуло», «завлекло», «заворожило», «заморочило».

ЭНДРЮ. Я как-то не представлял себе ее в такой компании. «Зацепило», нечего сказать!

МАРИЯ. До скорого, джентльмены.

ТОБИ. Сэр Эндрю, чтоб тебе сроду не доставать своего клинка, если ты ее не удержишь.

ЭНДРЮ. Мистрис, чтоб мне сроду не доставать моего клинка, если я вас не удержу. Вы, что же, моя прекрасная леди, всех нас за дураков держите?

МАРИЯ. Сэр, лично вас я вообще не держу.

ЭНДРЮ. Можете и подержать. Хотя бы за руку.

МАРИЯ. На кой мне ваша рука, сэр? Если же вы сами хотите подержаться за что-нибудь более существенное, держитесь поближе к моим кладовым.

ЭНДРЮ. Что это, радость моя? Метафора?

МАРИЯ. По-моему, размягчение, сэр.

ЭНДРЮ. Знаете, я вовсе не такой мягкотелый, как вы полагаете. Возьмите меня за руку на пробу, вы в этом убедитесь. Но в чем смысл вашей шутки?

МАРИЯ. В том, что руки у вас не тем концом вставлены.

ЭНДРЮ. Сколько же у вас таких шуточек?

МАРИЯ. Полные руки. И хотя вы лихо сучите своими руками, детей от этого не прибавится. Тут и пробовать нечего. (*Уходит.*)

ТОБИ. Думаю, рыцарь, тебе не повредит глоток канарского. Так оконфузиться! Что еще, кроме шуток, могло бы с такой же легкостью вышибить тебя из седла?

ЭНДРЮ. Ничего. Кроме канарского, конечно. Уж оно-то не раз вышибало. Мне кажется порою, что я нисколько не умнее других христиан и остальных нехристей. Но если я без ума из-за говядины, которую поедаю непрерывно, то лишь потому, что я безумно ее обожаю.

ТОБИ. Спору нет, сэр.

ЭНДРЮ. Клянусь, если бы я знал это наверняка, то проклял бы всех коров на свете. Больше, сэр Тоби, ноги моей здесь не будет.

ТОБИ. Pourquoi, дорогой рыцарь.

ЭНДРЮ. Что значит «pourquoi»? Быть здесь или не быть? Вот если бы я налегал на языки, вместо того, чтобы фехтовать, танцевать и гонять медведей! Почему я в свое время не занимался науками?

ТОБИ. Тогда бы ты безвременно облысел.

ЭНДРЮ. Разве от наук лысеют?

ТОБИ. Еще как! Носить бы тебе на лысине парик, изготовленный по всем правилам науки.

ЭНДРЮ. Не хочу. Мне еще мои волосы не надоели. Ведь правда, они ничего себе?

ТОБИ. Они великолепны. Ни себе, ни людям. Кудель да и только. Однажды какая-нибудь домохозяйка зажмет твои кудельки промеж ног и наделает из них отличной пряжи.

ЭНДРЮ. Больше ноги моей, сэр Тоби, здесь не будет. Ваша племянница не обращает на меня внимания, а если ни с того ни с сего обратит, то, держу пари, руки не подаст, ведь сам герцог гоняется за ее рукой.

ТОБИ. Плевать ей на герцога. Те, кто превосходит мою племянницу положением, сословием, возрастом или умом, ей безразличны. Она сама мне в этом призналась, как на духу. Стало быть, у тебя есть все шансы ей понравиться.

ЭНДРЮ. Если так, остаюсь еще на месяц. Я вообще очень странный человек: время от времени просто с ума схожу по балам да маскарадам.

ТОБИ. Неужели и в этом, рыцарь, с тобой нет сладу?

ЭНДРЮ. Людей моего склада нынче в Иллирии почти нет, не считая, конечно, тех, кто будет почище меня. А старики по сравнению со мной вообще не в счет.

ТОБИ. А как ты насчет гальярды, рыцарь?

ЭНДРЮ. Верьте слову, я умею вертеться волчком.

ТОБИ. Лучше телком — на вертеле.

ЭНДРЮ. А по прыжкам спиной вперед я вообще один на всю Иллирию.

ТОБИ. По какой же причине все это прячется в тени? Почему эти дары природы пылятся за семью замками на чердаке, как ста-

рые картины? Я бы на твоём месте ходил колесом в церковь, руки в боки домой, два притопа три прихлопа на прогулку и впрысядку по малой нужде. Как ты можешь так наплевательски относиться к себе и своим способностям? Мир тебе этого не простит. Твои ноги настолько безупречны по форме и содержанию, что поневоле задумаешься, не рождены ли они под звездами гальярды?

ЭНДРЮ. Да, ноги у меня довольно крепкие, а в этих огненно-красных чулках они выглядят ещё стройнее. По такому случаю не устроить ли нам что-нибудь вроде пирушки?

ТОБИ. Он ещё спрашивает! Разве мы не тельцы по своей сути?

ЭНДРЮ. Если вы про знак Тельца, то он означает грудь и сердце.

ТОБИ. Наоборот, сэр, ноги и бедра. Давай-ка ещё разок твой коронный прыжок. Быстрее! Выше! Сильнее! Ха-ха-ха! Бесподобно! (*Уходят.*)

Сцена четвертая

Дворец герцога Орсино.

Входят ВИОЛА в мужской одежде и ВАЛЕНТИН.

ВАЛЕНТИН. Если благосклонность герцога по отношению к вам, Цезарио, не сойдет на нет, вы определенно сделаете карьеру. Вы состоите при нём каких-то три дня и уже стали для него своим.

ВИОЛА. Вы не уверены либо в нём, либо во мне, иначе не стали бы наекать на краткосрочность его привязанности. Он что, сэр, склонен никому подолгу не доверять?

ВАЛЕНТИН. Как можно! Я не то имел в виду.

ВИОЛА. Спасибо и на том. А вот и герцог.

Входят ОРСИНО, КУРИО и ПРИДВОРНЫЕ.

ОРСИНО. Цезарио, ты здесь? Поди сюда.

ВИОЛА. Милорд, что вам угодно приказать?

ОРСИНО. Цезарио — а вы не подходите! —

Ты знаешь все и более того.

Тебе открыл я тайные страницы

Души моей. Поэтому ступай,

Мой мальчик, и во что бы то ни стало

Поговори с ней. Будет прогонять —
Не поддавайся, стой столбом у двери,
Скажи, что ты ногами в землю врос.

ВИОЛА. Но, если верить слухам, государь,
Она так страстно скорби предается,
Что даже на порог меня не пустит.

ОРСИНО. Хоть разорвись там, хоть сломай ворота,
Но без ответа уходить не смей!

ВИОЛА. Допустим, я ворвусь к ней. Дальше что?

ОРСИНО. Срази ее признаньями моими;
Скажи о том, как пылко я влюблен,
Как предан ей и как по ней тоскую.
Ты молод, и тебе она поверит
Куда быстрее, чем взрослому послу.

ВИОЛА. Навряд ли, государь.

ОРСИНО. Мой юный друг,
Сказать, что ты мужчина, означает
Невинность дней твоих оклеветать.
Не так пунцовы губы у Дианы
И не у каждой девушки похож
На флейту голос, — на роду тебе
Написано и женщину сыграть,
И порученье выполнить мое. —
Ты, ты, а также ты идите с ним.
Нет, будет лучше, если все уйдут.
Один побуду. — Сделай все, как надо,
И станешь равным лорду своему,
С его судьбой свою соединишь.

ВИОЛА. Все сделаю, чтоб видеть вас женатым.

(В сторону.)

Задача не из легких, если я
Сама взяла бы герцога в мужа.

(Уходят.)

Сцена пятая

Дом графини Оливии.

Входят МАРИЯ и ФЕСТЕ.

МАРИЯ. Где ты шатался? Говори, иначе я и не подумаю заступаться за тебя перед миледи. Она тебя повесит — будешь знать, как сбежать со двора.

ФЕСТЕ. Ее дело. Тем более что находиться в подвешенном состоянии гораздо спокойнее.

МАРИЯ. Это еще почему?

ФЕСТЕ. Повешенный никому не отвечает поклоны.

МАРИЯ. Сухая шутка. Знаешь, кто, кроме тебя, в состоянии отмотчить подобный каламбур?

ФЕСТЕ. Любопытно, дражайшая мистрис Мэри.

МАРИЯ. Такой же дурак, как ты. Который не может ни за себя постоять, ни за других повисеть.

ФЕСТЕ. И что с того? Бог милостив: умников наделяет здравым смыслом, дураков — вдохновением.

МАРИЯ. Уж тебя-то не помилюют: либо повесят, либо прогонят. Одно стоит другого. Выбирай.

ФЕСТЕ. Повесят — хорошо: добрая веревка — верное средство от злой жены. Прогонят — еще лучше: летом я так и так не пропаду.

МАРИЯ. Значит, ты хочешь развязать себе руки?

ФЕСТЕ. Скорее — ноги. Хотя на такой развязке я не настаиваю.

МАРИЯ. Смотри: отвяжешься — без штанов останешься.

ФЕСТЕ. Что называется, не в бровь, а в глаз! Если ты не собьешься с курса, а твой сэр Тоби не сопьется с круга, ты можешь сделаться самой заводной бабенкой — из всех иллирийских внучек Евы.

МАРИЯ. Заткнись, бродяга! Не суй нос не в свое дело. Лучше подумай, как половчей выкрутиться. А вот и миледи. Будь умницей, не оплошай. *(Уходит.)*

ФЕСТЕ. Остроумие, на помощь! Позволь мне как следует задурить им мозги. Иной ум, чьи претензии на тебя неосновательны, иногда заходит за разум; а ни на что не претендующая глупость вроде моей на поверку оказывается вполне разумной. На это намекает и Квинипал, который сказал: «Лучше остроумный мозгляк, чем безмозглый остряк».

Входят ОЛИВИЯ и МАЛЬВОЛИО.

ФЕСТЕ. Благослови вас Бог, миледи!

ОЛИВИЯ. Пошла вон, глупость!

ФЕСТЕ. Вы слышали, господа? Миледи изгоняет себя из нашего общества.

ОЛИВИЯ. Исчезни, тупой дурак! Надоел. В последнее время ты утратил чувство меры.

ФЕСТЕ. Одно, мадонна, можно исправить вином, другое — добрым словом. Поднесите тупому дураку пару стаканчиков, и он заблещет остроумием; скажите пару ласковых тому, кто утратил чувство меры, и тот придет в чувство. А не придет, поручите портным его перелицевать, и все будет шито-крыто. Не случайно изодранное в клочья целомудрие подшивают грехом, а грех прикрывают штопаным целомудрием. Убеждают вас мои немудрящие аргументы — слава Богу, не убеждают — Бог с ними! Несчастный человек и рога носец не всегда одно и то же, но красота — всегда цветок. Прекрасная леди прогоняет от себя глупость, значит, говорю я, она решила изгнать самое себя.

ОЛИВИЯ. Я имела в виду тебя, господин шут.

ФЕСТЕ. Вы несете шут знает что! Как известно, леди, *cucullus non facit monachum*, клобук не делает человека монахом. Иными словами, если на мне дурацкий колпак, это не значит, что я — набитый дурак. Дорогая мадонна, я берусь доказать, что вы сами — набитая... глупость.

ОЛИВИЯ. Неужели?

ФЕСТЕ. В самом деле, добрейшая мадонна.

ОЛИВИЯ. Ладно, доказывай!

ФЕСТЕ. Для этого, мадонна, я воспользуюсь правом первой исповеди, а вы, невинная мышка-норушка, будете отвечать мне, как на духу.

ОЛИВИЯ. Отвечу, господин шут, все равно делать нечего.

ФЕСТЕ. Милая мадонна, почему вы в трауре?

ОЛИВИЯ. Потому что у меня умер брат, милый шут.

ФЕСТЕ. По-вашему, его душа в аду, мадонна?

ОЛИВИЯ. По-моему, его душа в раю, шут!

ФЕСТЕ. Если он живет райской жизнью, нет ничего глупее носить по нем траур. Пошла вон, глупость! Джентльмены, миледи покидает нас.

ОЛИВИЯ. Как вам наш дурак, Мальволио? Похоже, он начал меняться в лучшую сторону?

МАЛЬВОЛИО. О да, он будет меняться до тех пор, пока предсмертная судорога не вытрясет из него последние мозги. К старости умные люди выживают из ума, дураки, наоборот, приходят в ум.

ФЕСТЕ. Дай вам Бог, сэр, поскорей дожить до седин, когда

ваша глупость состарится до полного идиотизма. Сэр Тоби так же не спутает меня с лисицей, как и вас не отличит от кретина.

ОЛИВИЯ. Как вам это нравится, Мальволио?

МАЛЬВОЛИО. Удивляюсь вашей светлости: неужели вас действительно забавляет этот скучный мошенник? Вчера на моих глазах его шутя переплюнул один завзятый, но тупой, как башмак, балагур. Обратите внимание: ему уже не до шуточек. Не смейтесь над ними, не потакайте ему, и он перестанет открывать рот. Нам, людям умным, не следует подхихкивать этим фиглярам. В противном случае чем мы лучше их?

ОЛИВИЯ. Вы болезненно себялюбивы, Мальволио, у вас дурной вкус, вас ничто не радует. Люди великодушные, честные, открытые не относятся к шутовству всерьез, не принимают, как вы, безобидные раскаты грома за пушечную канонаду. На профессионального шута не принято обижаться, как и на благо-разумного во всех отношениях человека. Потому что насмешки первого не считаются оскорблениями, а порицания второго не бывают насмешками.

ФЕСТЕ. О Меркурий, пусть она преуспеет в надувательстве за свое отличное отношение к дуракам!

Возвращается МАРИЯ.

МАРИЯ. Мадам, к нам пожаловал юный джентльмен. Он горит желанием переговорить с вами.

ОЛИВИЯ. Не от герцога ли Орсино?

МАРИЯ. Не уверена, мадам. Впрочем, это отличный молодой человек с приличным сопровождением.

ОЛИВИЯ. Почему же он не вошел?

МАРИЯ. Потому что ему не дает пройти сэр Тоби, ваш родственник.

ОЛИВИЯ. Стыд-то какой! Вели ему немедленно уйти. Когда он говорит, его можно принять за сумасшедшего.

(МАРИЯ уходит.)

Сходи лучше ты, Мальволио. Если это ходатай герцога, то я больна, померла, уехала, — все, что угодно, только бы отвязаться от него.

(МАЛЬВОЛИО уходит.)

Теперь вам ясно, господин шут, что ваши жалкие потуги давно вышли из моды. Людей они только раздражают.

ФЕСТЕ. В таком случае, мадонна, почему ты встала на нашу защиту? Можно было подумать, что ты намерена определить в шуты своего первенца — пусть Юпитер запихает в его голову побольше мозгов, поскольку у твоего самого близкого родственника — вот и он, легок на помине! — *pia mater* мягче некуда.

Входит ТОБИ.

ОЛИВИЯ. Боже мой! Он опять пьянехонек! Кто там пришел, родственник?

ТОБИ. Какой-то джентльмен.

ОЛИВИЯ. Какой-то! Какой именно?

ТОБИ. Именно такой. Там джентльмен, между прочим. (*Икает.*) Пропади пропадом эта селедка! (ФЕСТЕ.) Видишь ли, дурачок...

ФЕСТЕ. Еще как, сэр Тоби!

ОЛИВИЯ. Бедный родственник! На дворе только полдень, а ты уже невменяем.

ТОБИ. Как это — не в меня ем? Я ем только в меня. Не в тебя же. Там какой-то тип заявился.

ОЛИВИЯ. Это невыносимо! Кто заявился?

ТОБИ. Черт его знает. Может, сам черт: захотел — и явился. Мне на него плевать. Верьте слову. Или не верьте, дело ваше. (*Уходит.*)

ОЛИВИЯ. Господин шут, кого напоминает пьяница?

ФЕСТЕ. Утопленника, придурка и умалишенного. Первый стакан дурит ему голову, второй — лишает ума, третий — топит.

ОЛИВИЯ. Тогда пора начать следствие по делу о самоубийстве сэра Тоби: в нем сидит никак не меньше трех стаканов. Иди посмотри, как он там.

ФЕСТЕ. Там, добрая мадонна, чуть больше двух стаканов. Иначе дураку незачем было бы смотреть на сумасшедшего. (*Уходит.*)

Возвращается МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Мадам, какое-то юное существо изо всех сил пытается просочиться к вам. Я сказал про вас: «Они больны». Он ответил: «Это знают все. Я пришел выразить им сочувствие». Я: «Они спят». Он: «Все может быть. Я буду ждать рассвета, чтобы пожелать им доброго утра». Больше я ничего не сказал, потому что он легко отбил бы любое мое возражение. Что теперь делать, леди, ума ни не приложу.

ОЛИВИЯ. Сказать юному существу, что оно меня не увидит.

МАЛЬВОЛИО. Я говорил. Оно ответило, что станет у двери

верстовым столбом или застынет соляным столпом, но так или иначе с вами переговорит.

ОЛИВИЯ. Что это за существо?

МАЛЬВОЛИО. Мужчина.

ОЛИВИЯ. Кто бы мог подумать! Что за мужчина?

МАЛЬВОЛИО. Невоспитанный крайне. Он настоит на своем, нравится вам это или нет.

ОЛИВИЯ. Что вы скажете о его внешности и возрасте?

МАЛЬВОЛИО. Что он моложав для мужчины, староват для мальчика; зреющий стручок, саженец яблони, среднее арифметическое между мальчиком и женщиной. В меру симпатичный, сверх меры настырный, одним словом, молокосос и больше ничего.

ОЛИВИЯ. Впусти его и пригласи камеристку.

МАЛЬВОЛИО. Камеристку — к миледи! (*Уходит.*)

Возвращается МАРИЯ.

ОЛИВИЯ. Поддай сюда вуаль прикрыть лицо.

Как надоели мне послы Орсино!

Входит ВИОЛА и СЛУГИ.

ВИОЛА. Достопочтенная хозяйка... Кстати, к кому из вас мне обратиться?

ОЛИВИЯ. Если вам в самом деле нужна хозяйка, я за нее отвечу. Обращайтесь.

ВИОЛА. Блистательная, совершенная, непревзойденная красавица... Я не знаком с вашей госпожой, и если это не вы, то мне бы не хотелось расточать впустую мои слова, ибо, с одной стороны, моя речь — непревзойденный образчик ораторского искусства, с другой — я приложил немало усилий, чтобы ее вызубрить. Милые красавицы, над чем вы смеетесь? Пожалуйста, будьте со мной добры: я теряюсь от плохого обращения.

ОЛИВИЯ. Откуда вы взялись, сэр?

ВИОЛА. Варианты моей роли расходятся незначительно, а отвечать на ваш вопрос, значит, нести полную отсебятину. Добрая леди, если вы действительно хозяйка этого дома, дайте мне об этом знать хотя бы намеком, иначе мое выступление останется без продолжения.

ОЛИВИЯ. Вы что, явились ломать комедию?

ВИОЛА. Нет, ваша премудрость, хотя, клянусь зубами лицемерия, я играю не свою роль. Значит, вы и есть госпожа?

ОЛИВИЯ. Если я не присваиваю себе самое себя, это в самом деле я.

ВИОЛА. Несомненно, вы себе присвоили себя, хотя одарить себя собою не значит сохранить подарок в целости. Впрочем, я не имею права отклоняться в сторону. Итак, сейчас прозвучит речь в вашу честь, после которой вы узнаете о цели моего визита.

ОЛИВИЯ. Оставьте мою честь в покое. Переходите сразу к цели.

ВИОЛА. Почему вы не хотите услышать плоды моих титанических усилий? Это же чистая поэзия!

ОЛИВИЯ. И значит, чистейшая ложь! Приберегите ее для себя. Мне рассказали, что вы нахально пытались ворваться в дом, и я захотела не столько послушать ваши монологи, сколько посмотреть на вашу особу. Если вы сходите с ума, подите прочь; если в своем уме — говорите, но покороче: состояние некоторого затмения, в котором я временно нахожусь, не позволяет мне разыгрывать с вами сцены.

МАРИЯ. Не поднять ли вам паруса? Попутного ветра, сэр.

ВИОЛА. Эй вы там, на палубе! Мы пока не намерены сниматься с якоря. Приструните вашего исполина, госпожа. Не забываются: я — посол.

ОЛИВИЯ. Вас, видимо, послали сообщить нам какую-нибудь гадость, если вы так отвратительно вежливы. В чем, собственно, дело?

ВИОЛА. В том, что оно касается исключительно вас. Я пришел не объявить войну, но заключить мир; не требовать дани, но вручить ветку оливы.

ОЛИВИЯ. Теперь понятно, почему вы были так грубы. Кто вы? Что вам угодно?

ВИОЛА. Поневоле научишься грубить, если тебя так встречают. Кто я и что мне угодно, так же скрывается в тени, как целомудрие: если для вас это — Закон Божий, то для других — беззаконие.

ОЛИВИЯ. Оставьте нас наедине.

МАРИЯ и СЛУГИ *уходят.*

Начинайте, господин законоучитель. Обнародуйте наконец свою доктрину.

ВИОЛА. Светлейшая леди...

ОЛИВИЯ. На этом догмате покоится масса теорий, излагать которые можно до конца жизни. А где хранится ваш манускрипт?

ВИОЛА. Внутри Орсино.

ОЛИВИЯ. Внутри?! В какой же части его нутра?

ВИОЛА. По одной из теорий — в сердцевине сердца.

ОЛИВИЯ. Я читала эти жуткие страницы: настоящее мракобесие. Это все, с чем вы явились?

ВИОЛА. Добрейшая госпожа позволит мне взглянуть на свое лицо?

ОЛИВИЯ. Вас послали налаживать отношения с моим лицом? Вы явно вышли за рамки роли. Все же поднимем занавес и покажем вам наше подлинное обличие. (*Откидывает вуаль.*) Смотрите, сэр: именно так выглядело мое лицо только что. Правда, неплохо сработано?

ВИОЛА. И если — Богом, значит, это чудо.

ОЛИВИЯ. Вы правы, сэр, материал отличный:

Ему и непогода нипочем.

ВИОЛА. С такую нежностью и мастерством
Соединять пунцовый с белоснежным
Умеет лишь природа... Вы прекрасны!
Но если вы, не повторив себя,
Сведете красоту свою в могилу,
То станете страшной всех женщин в мире.

ОЛИВИЯ. Сэр, я не совсем без сердца. Я самолично составлю всевозможные перечни моих прелестей, рассортирую их, присвою каждой учтенной единице инвентарный номер и приложу соответствующие документы к завещанию. Опись будут выглядеть примерно так: номер один: губы, алые, одна пара; номер два: глаза, серые, одна пара; номер третий: подбородок, один; номер четвертый: шея, одна; номер... и так далее. Вам что, велели узнать мою рыночную стоимость?

ВИОЛА. Я понял: вы чертовски горделивы,
Но, будь вы даже чертом, вы красивы.
Но даже если бы считали вас
Богиней красоты, вам бы пришлось
Милорда моего вознаграждать —
Настолько он вас любит.

ОЛИВИЯ. И насколько?

ВИОЛА. Он вас боготворит, он слезы льет,
Он громогласно стонет от любви,
А взор его, как молния, сверкает.

ОЛИВИЯ. Но мой ответ ему давно известен:
Ну, не люблю его я. Знатен он?
Я это знаю. Благороден? Да.
Порядочен? Здоров? Силен? Конечно.
О нем худого слова не услышишь.
Нет, все твердят, что он великодушный,
Изящный, образованный, бесстрашный.
Но не люблю его я и сто раз
Ему уже об этом говорила.

ВИОЛА. Но если б, умирая от любви,

Я бы пылал и мучился, как он,
То ваш отказ меня бы озадачил:
Я б отказался это понимать.

ОЛИВИЯ. И это все, что сделали бы вы?

ВИОЛА. Нет, госпожа. Я тело бы свое
Устроил в шалаше у вашей двери,
А вас, душа моя, из дому звал;
Стихи слагал бы, чтобы по ночам
Петь песни о любви неразделенной;
«Оливия!» — я вскрикивал бы часто,
Чтоб звуки, отражаясь от холмов,
Выбалтывали миру ваше имя;
Я бы с небес, я бы из-под земли
Достал бы вас — и сжалились бы вы.

ОЛИВИЯ. Вы многого добьетесь. Кто вы родом?

ВИОЛА. Обласкан я судьбой, но по рождению
Достоин большего: я дворянин.

ОЛИВИЯ. Еще раз господину своему
Скажите, что его я не люблю
И что послов не надо... кроме вас:
Вы, скажем, захотите рассказать,
Что сделалось ему при этой вести.
Спасибо вам за труд. Возьмите это.

(Протягивает кошелек.)

ВИОЛА. Я не посол вам. Спрячьте кошелек.
Вы не меня, — милорда б наградили.
Желаю вам влюбиться с той же страстью,
С какой вас любит бедный господин,
И, налетев на каменное сердце,
Свое разбить в куски. Ну что ж, прощайте,
Прекрасная надменность!

(Уходит.)

ОЛИВИЯ. «Кто вы родом?» —

«Обласкан я судьбой, но по рождению
Достоин большего: я дворянин».
Клянусь, что так и есть. Его лицо,
Характер, внешний вид, осанка, речь
Пять раз дворянство могут подтвердить.
Да что со мной? Он все-таки слуга.
Неужто так бывает? В одночасье

Чумою заразиться? Как ни странно,
Но совершенства юноши вползают
В мои глаза и вкрадчиво, и нежно.
Что ж, пусть ползут. — Мальволио, ко мне!

Возвращается МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Готов служить, миледи.

ОЛИВИЯ.

Догони

Посла Орсино и кольцо вот это,
Что здесь забыл задиристый юнец,
Ему верни — оно мне ни к чему.
Я не хочу, чтоб герцог обольщался,
Надеялся на что-то — все напрасно.
А если завтра юноша случайно
Сюда зайдет, то обо всем узнает.
Мальволио, беги!

МАЛЬВОЛИО.

Бегу, мадам.

(Уходит.)

ОЛИВИЯ. Что будет дальше — не пойму сама.

Глазам поверив, я сошла с ума.
Собой распоряжаться мы слабы,
Но никуда не деться от судьбы.

(Уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Берег моря.

Входят АНТОНИО и СЕБАСТЬЯН.

АНТОНИО. Что ж это вы: и здесь не хотите остаться, и меня с собой не берете?

СЕБАСТЬЯН. Не обессудьте, сэр, не останусь и не возьму. Мои звезды затянуты мраком. Мой злосчастный жребий может

навести порчу и на ваш. Поэтому прошу вас держаться от меня подальше: будет лучше, если я погибну в одиночку. Тянуть вас за собой, значит, ответить неблагодарностью за всю вашу любовь.

АНТОНИО. Но куда вы направляетесь, я могу узнать?

СЕБАСТЬЯН. Ну, зачем вам это, сэр? Мой, с позволения сказать, вояж — обыкновенная блажь. Но, насколько я мог убедиться, ваша исключительная деликатность не позволяет вам доискиваться до моей тайны, именно это обстоятельство вынуждает меня подчиниться правилам хорошего тона и доверить ее вам. Прежде всего, Антонио, никакой я не Родриго, а Себастьян. Моим отцом был тот самый, я уверен, хорошо известный вам Себастьян из Мессалины. Когда он умер, я и моя сестра окончательно осиротели. Мы с нею родились в один и тот же час, и если бы небесам было угодно погубить нас в одночасье! Но тут вмешались вы, сэр, вызволив меня из пучины спустя час после того, как та поглотила мою сестру.

АНТОНИО. Боже мой!

СЕБАСТЬЯН. Это была подлинная леди и, несмотря на общеизвестное сходство со мной, признанная красавица. И хотя я отказывался безоговорочно разделять столь восторженные отзывы, но, по моему твердому убеждению, она была настолько прекрасна душой, что сама зависть не рискнула бы оспорить это. И вот сестру унесли соленые волны, а я, как видите, пытаюсь утопить в соленой водичке свою память о ней.

АНТОНИО. А я обходился с вами не так, как подобало бы! Прошу меня простить, сэр.

СЕБАСТЬЯН. Что вы, дорогой Антонио! Я доставил вам так много хлопот, что сам должен просит у вас прощения.

АНТОНИО. Если ради моей любви вы не позволите мне служить вам, то вы меня убьете.

СЕБАСТЬЯН. А вы — меня и все, сделанное вами ради меня, если будете настаивать на своей просьбе. Без лишних слов простимся. Знаете ли, сердцем я — вылитая матушка, поэтому о чувствах, переполняющих мою грудь, то и дело рассказывают мои глаза. Я предложу свои услуги герцогу Орсино. Прощайте. *(Уходит.)*

АНТОНИО. Ступай. И пусть тебе помогут боги!

А мне Орсино враг, не то бы мы

С тобою повстречались при дворе.

Что ж делать? Без тебя мне жизни нет.

Пойду вослед. Семь бед — один ответ.

(Уходит.)

Сцена вторая

Улица.

Входят ВИОЛА, *вслед за ней* — МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Это вы только что говорили с леди Оливией?

ВИОЛА. Это были мы, сэр. Шли мы от нее прогулочным шагом, благодаря чему вам удалось так скоро нас догнать.

МАЛЬВОЛИО. Мне велено вернуть вам это кольцо. Если бы вы не позабыли его у нас, мне бы не пришлось за вами гнаться. Леди также просит вас уверить вашего господина в совершенной безнадёжности его планов относительно нее. Отныне она ни за что не пустит вас на глаза, если вы с присущей вам дерзостью попытаетесь проникнуть в наш дом с порученьями от него, а не с тем, чтобы поведать ей о его отношении к отказу. Извольте получить.

ВИОЛА. Я не давал ей никаких колец.

МАЛЬВОЛИО. Ах вот как! Вы, сэр, бесцеремонно навязали это кольцо моей госпоже, и, по ее требованию, я должен его вам вернуть и тоже без особых церемоний. (*Швыряет кольцо.*) Если оно обладает хоть какой-то ценностью в ваших глазах, вы не сочтете за труд нагнуться; если нет, пусть его подберет кто угодно. (*Уходит.*)

ВИОЛА. Какое-то кольцо... Что с ней случилось?

Что, если я понравилась миледи?!

Вот это поворот! Она глядела

Во все глаза и говорила так,

Себя на полуслове обрывая,

Что, видимо, витала в облаках.

Все сходится: она в меня влюбилась!

В избытке чувств не знает, что придумать:

Курьера шлет, чтоб он — противный тип! —

Кольцо вернул мне, о котором я

Ни сном, ни духом. Лучше бы она

Влюбилась в призрак, бедная миледи,

А не в меня. Не дремлют силы зла:

Сменив одежды, соблазняя дам,

Чье сердце — воск: любой смысленный малый,

Что хочет, то и лепит из него.

Такими женщин сотворил Создатель:

Нас лепят, и у каждой свой ваятель.

И что теперь? Милорд влюблен в мадам;

Я, чудище несчастное, к нему

Неравнодушна; а она по мне

Тоскует по ошибке. Что мне делать?

Мужчиной или женщиною быть?
Увы, ни то, ни это: господин
Не влюбится в меня; и госпоже
Я не отвечу на ее любовь.
О время! без тебя мне не с руки
Распутывать такие узелки.

(Уходит.)

Сцена третья

Дом графини Оливии.

Входят ТОБИ и ЭНДРЮ.

ТОБИ. Сюда, сэр Эндрю. Не спать затемно и просыпаться за-светло — это одно и то же. Ибо *diluculo surgere*: кто встает с утра — наживет добра. Разве не так?

ЭНДРЮ. Или так, или не знаю как. Но я точно знаю: кто не лег в кровать, тот не будет спать.

ТОБИ. Ложное умозаключение. Оно пусто, как порожний кувшин. А я говорю: не ложиться после заката, значит, вставать до рассвета. Это так же верно, как и то, что наше тело состоит из четырех элементов.

ЭНДРЮ. Знаю, слышал. Но я думаю, оно состоит из выпивки и закуски.

ТОБИ. Сразу видно: ученый человек. Посему давай выпьем и закусим. — Мэри, где ты там! Неси вина!

(Входит ФЕСТЕ.)

ЭНДРЮ. Вот и шут с нами!

ФЕСТЕ. С кем же еще, друзья мои! Ведь это вы только что спросили: «Третьим будешь?» Или я ослышался?

ТОБИ. Ослы?.. Сам ты осел! Спой-ка нам что-нибудь эдакое.

ЭНДРЮ. Вот именно! У шута голосище будь здоров. Я бы со-рока шиллингов не пожалел, чтобы заполучить его сладкозвучную глотку с такими стройными ногами в придачу. Кстати, шут, вчера ты ловко трепался о тигронегроидах и павипьяных, пересекших

Квинто-свинский меридиан. Я хохотал до упаду. За это я послал тебе шесть пенсов для твоей красотки. Ты ей передал?

ФЕСТЕ. И побольше вашего. А у Мальволио нос перерос, у моей девчонки белые ручонки, а у мирмидонян глотки точно жбан.

ЭНДРЮ. Лихо сказано! Таких остряков еще поискать. А теперь пой.

ТОБИ. Начинай. Вот тебе другие шесть пенсов. Пой же.

ЭНДРЮ. И с меня шестипенсовик. Если один рыцарь дает, то другой не отстаёт.

ФЕСТЕ. Какую песню желает публика?

ТОБИ. Конечно, про любовь.

ФЕСТЕ. Про какую — земную или небесную?

ТОБИ. Про земную, конечно.

ЭНДРЮ. Нет, про небесную после.

ФЕСТЕ (*поет*). Где ты бродишь, дорогая,

О любимом забывая?

Он поет любви не в тон.

Перестань ходить по кругу,

Возвратись в объятия к другу:

Разлучаться не резон.

Что любовь для нас? Награда.

Любишь — радоваться надо,

Ведь, увы, пройдут года.

Пей, пока идет пирушка,

И целуй меня, подружка.

Юность сгинет без следа.

ЭНДРЮ. Нет, право слово, лучше спеть нельзя.

ТОБИ. Очень хорошо, очень.

ЭНДРЮ. Медовый голос, или я не рыцарь.

ТОБИ. И слезоточивый.

ЭНДРЮ. Ну да: медовый и слезоточивый.

ТОБИ. Если слушать глазами, можно заболеть куриной слепотой. А не дернуть ли нам плясовую на весь мир, чтобы совы от шума передохли? Рванем так, что даже последний музыкант трижды расстанется с душой, прежде чем помрет окончательно. Споем, что ли?

ЭНДРЮ. Если вы меня уважаете, споем. Я на песнях все зубы съел.

ФЕСТЕ. Это заметно, сэр, когда вы открываете рот.

ЭНДРЮ. Вот и я о том же. Давайте про разбойника.

ФЕСТЕ. Если про того, которому велят заткнуться, то мне придется обращаться к вам, рыцарь, как к разбойнику.

ЭНДРЮ. Мне не привыкать: со мной многие обращаются, как

с разбойником. Начинай, шут, не тяни. Как там? «Заткнись...».
«Заткнись...».

ФЕСТЕ. Если я сразу заткнусь, то уже не начну.

ЭНДРЮ. Да хватит тебе! Пой давай!

Горланят песню.

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ. Что вы творите? Устроили тут кошкофонию. Помните мое слово: миледи уже подняла с постели дворецкого Мальволио, чтобы тот выгнал вас в три шеи.

ТОБИ. Твою миледи слопали медведи, Мальволио-дворецкий спит себе мертвецки, а мы — политиканы и совсем не пьяны.
(Поет.)

Мы — три веселых молодца...

Она, значит, леди, а я кто? Разве мы с ней не родственники? Разве не одной крови? Тили-тили, трали-вали! (Поет.)

Жил в Вавилоне странный лорд,

А с ним его миледи...

ФЕСТЕ. Чтoб я пропал, сэр Тоби умеет дурачиться на всю катушку!

ЭНДРЮ. Да, в этом он мастак, особенно когда в ударе. Я тоже не промах, только он резвится с умом, а я от души.

ТОБИ (поет.) Двенадцатый месяц, двенадцатый день...

МАРИЯ. Бог ты мой, когда ж вы утомнитесь!

Входит МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Вы что, белены объелись, господа? Или просто рехнулись? Ни ума у вас, ни сердца! Ни стыда, ни совести! Разоряетесь за полночь, как пьяные лудильщики! Может, вы перепутали приличный дом с питейным? Горлопаните под окнами, вопите бульварные куплеты — а ведь тут люди спят! Вы о них подумали? Какая бестактность по отношению к дому и его благородной хозяйке!

ТОБИ. Что-что, а такт мы держим. Чтoб ты издох!

МАЛЬВОЛИО. А к вам, сэр Тоби, у меня разговор особый. По поручению миледи, я уполномочен заявить, что вас, ее близкого родственника, до поры до времени будут содержать здесь на полном пансионе, но даже слышать не хотят о ваших безобразиях. Если вы докажете нам свою полную непричастность к собственным беспутствам, милости просим оставаться в доме; если же вы сочтете

за благо оставить его, ваша близкая родственница непременно воспользуется счастливой возможностью проститься с вами навсегда.

ТОБИ (*поет*). Пришла беда. Прощайте, господа.

МАРИЯ. Не стоит, сэр Тоби.

ФЕСТЕ (*поет*). Его глаза погасли навсегда.

МАЛЬВОЛИО. Вот, значит, как вы запели!

ТОБИ (*поет*). Но мне не быть во гробе.

ФЕСТЕ (*поет*). Фальшивите, сэр Тоби.

МАЛЬВОЛИО. Вот именно.

ТОБИ (*поет*). Прогнать его к чертям?

ФЕСТЕ (*поет*). Едва ль уйдет он сам.

ТОБИ (*поет*). Но если так, гони его взапей.

ФЕСТЕ (*поет*). Попозже: утро ночи мудреней.

ТОБИ. А теперь сфальшивил ты, бестактный шут. — Ну, кто ты такой? Что ты о себе думаешь? Если какой-то дворецкий корчит из себя святошу, нормальные люди не могут, что ли, выпить-закусить?

ФЕСТЕ. Да уж, я бы сейчас от имбирного не отказался. Хорошо пробирает, клянусь святой Анной!

ТОБИ. Точно! — Шли бы вы, любезный, мылить свои вериги. — Мария, подай вина!

МАЛЬВОЛИО. Мистрис Мэри, если вы не хотите узнать, каким образом графиня меняет милость на гнев, вам не следует способствовать столь предосудительным поступкам. Клянусь рукой, ваша госпожа обо всем узнает. (*Уходит.*)

МАРИЯ. Страхни пыль с ушей, длинноухий!

ЭНДРЮ. Вызвать бы его на дуэль, а самому не явиться, вот он и вышел бы дурак дураком. Эта штука не хуже выпивки натошак.

ТОБИ. Действуй, рыцарь! Я сам составляю письмо с вызовом или на словах передам этому болвану, как ты его кроешь.

МАРИЯ. Только не сегодня, дорогой сэр Тоби. Переговорив с юнцом герцога, госпожа никак в себя не придет. С мосье Мальволио я разберусь без вас. Если я не сыграю с ним в такие дурачки, что все его подымут на смех, значит, я глупее него и не знаю, с какой стороны ложиться в постель. Будет меня помнить.

ТОБИ. Ну-ка, ну-ка, давай выкладывай, что у тебя на уме.

МАРИЯ. Взялся разыгрывать из себя пуританина.

ЭНДРЮ. Если бы я знал, что это такое, я бы избил его, как паршивого пса!

ТОБИ. Что ты, рыцарь? За пуританство не бьют: нет весомых оснований.

ЭНДРЮ. Основания, может, и невесомы, зато повод веский.

МАРИЯ. Какой он пуританин! Так, ни се ни то, черт его знает что. И нашим и вашим, ослиная голова, неотесанный болтун.

Разглагольствует о хорошем тоне, а на деле просто пускает пыль в глаза. Набит самомнением доверху, не сомневается в своих якобы плещущих через край достоинствах, считает себя неотразимым, поэтому все должны влюбляться в него с первого взгляда. Вот! На этой страстишке я его и подловлю. Он мне за все заплатит.

ТОБИ. Каким же образом?

МАРИЯ. Я подкину ему любовную записку — ничего определенного, но это будет зеркало, в котором он с удивлением обнаружит очень для него знакомые цвет бороды, выражение глаз, лицо, фигуру, словом, свое собственное отражение. Я напишу письмо от имени госпожи, вашей племянницы: почерки у нас очень похожи, и порой невозможно понять, что кем написано.

ТОБИ. Здорово! Вы чувствуете, чем это пахнет?

ЭНДРЮ. Кажется, запахло жареным.

ТОБИ. Он же подумает, что моя племянница любит его, раз подбросила это письмо.

МАРИЯ. Вы уловили мою мысль: на этой лошадке я и прокачусь!

ЭНДРЮ. И ваша лошадка выведет его в ослы.

МАРИЯ. Вне всякого сомнения.

ЭНДРЮ. Бесподобно!

МАРИЯ. Ручаюсь вам, это будет охота, почище королевской. С моего слабительного его точно пронесет. Вы двое и шут в придачу засядете в том месте, где он найдет мою приманку. Понаблюдайте, что он выкинет, клюнув на нее. А теперь — по комнатам, и пусть вам приснится, чем кончится наша затея. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

ТОБИ. И тебе спокойной ночи, амазонка!

ЭНДРЮ. Лихая девчонка, слов нет!

ТОБИ. А то! Чистопородная гончая. И, между прочим, без ума от меня. Но мне-то что?

ЭНДРЮ. От меня тоже как-то раз без ума были.

ТОБИ. Пойдем-ка спать. Кстати, рыцарь, не послать ли тебе еще за деньгами?

ЭНДРЮ. Если я не охомуताю вашу племянницу, мне ж хоть топись.

ТОБИ. Ты только распорядись насчет денег, рыцарь. А если не взнуздаешь ее, считай меня сивым меринком.

ЭНДРЮ. Если не взнуздаю, придется считать, можете мне верить. Или не верить. В общем, как вам угодно.

ТОБИ. Договорились. А теперь пойдем пить паленую жженку — ложиться-то все равно поздно. Идем, рыцарь, идем. *(Уходят.)*

Сцена четвертая

Дворец герцога Орсино.

Входят ОРСИНО, ВИОЛА, КУРИО и ДРУГИЕ.

ОРСИНО. Хочу я песен. — Добрый день, друзья! —
Цезарио, скажи им, чтобы снова
Они мне спели давешнюю песню.
Старинный тот мотив скорей излечит
Меня от боли в сердце, чем пустые
И вычурные ритмы — порожденье
Излишне бойких нынешних времен.
Давайте же, хотя б один куплет.

КУРИО. Просим прощенья у вашего сиятельства, но мы этой песни не знаем.

ОРСИНО. Как так? А кто же пел ее вчера?

КУРИО. Весельчак Фесте, любимый шут графа, отца графини Оливии. Послать за ним?

ОРСИНО. Немедленно. А вы пока сыграйте.

(КУРИО уходит.)

Музыка.

Когда почувешь сладкие уколы
Любви, мой мальчик, вспомни обо мне.
Все истинно влюбленные меня
Напоминают — все мы суетливы,
Чувствительны, капризны, но верны
Своим любимым — образу любимых.
Ну, как тебе мотив?

ВИОЛА. Как будто эхо
Летит к престолу, где царит любовь.

ОРСИНО. Неплохо, мальчик! Жизнью поклянусь,
Хотя ты юн, твои глаза уже
Пересекались с чьим-то нежным взором.
Не правда ли?

ВИОЛА. Наверное, милорд.

ОРСИНО. И кто она?

ВИОЛА. По виду вроде вас.

ОРСИНО. Забудь ее, ты лучшего достоин.

А сколько лет ей?

ВИОЛА. Столько, сколько вам.

ОРСИНО. О небеса! Ты молод для нее.

Обычно женщины за тех выходят,
Кто старше их. Тогда жена и муж
Равны между собой; тогда она
Уверенно царит в его душе.
Хотя собой гордится сильный пол,
В делах сердечных мы слабее женщин:
Мы ни себе, ни им не доверяем
И, загораясь, гаснем в тот же миг.

ВИОЛА. О да, милорд.

ОРСИНО. Женившись на старухе,
Ты скоро позабудешь о любви.
Ведь женской красоте отмерен срок:
Цветет и тут же вянет, как цветок.

ВИОЛА. Увы, все так: утратить лепестки
Недолгому расцвету вопреки.

Входит КУРИО и ФЕСТЕ.

ОРСИНО. Привет, дружок. Он песню пел вчера,
Цезарио, старинную, простую.
Поют ее вязальщицы и пряжи
При свете солнца. Челноки и спицы
Туда-сюда снуют, а звуки льются,
Как в древности, наивны и чисты.

ФЕСТЕ. Так я спою, милорд?

ОРСИНО. Да, я прошу.

ФЕСТЕ (*поет*). Мне с тобой, моя смерть, по пути.
Пусть шумит кипарис надо мной.
Отпусти меня, жизнь, отпусти:
Я жестокой убит красотой.
Сосны траурной хвоей своей
Оселят мою смертную боль.
И не сможет никто из людей
За меня доиграть эту роль.
Ни цветка для меня, ни венка —
Черный гроб мой не стоит того.
Ни слеза, ни уста, ни рука
Не коснутся чела моего.
Чтоб никто мой безоблачный сон
Не тревожил молитвой своей,
Не раздастся влюбленного стон
Над забытой могилой моей.

ОРСИНО. Вот, получи за труд.

ФЕСТЕ. Какой там труд, сэр. Я пою ради удовольствия.

ОРСИНО. А я за удовольствие плачу.

ФЕСТЕ. Верно, сэр, мы всегда за него расплачиваемся, так или иначе.

ОРСИНО. Мы остаемся здесь — ты нас оставишь?

ФЕСТЕ. Спаси и сохрани тебя дух меланхолии. И пусть тебе пошлют камзол из хамелеонской ткани. Не случайно же твоя душа опалена опалом. Людям такого склада следовало бы пускаться в дальнее плавание. Так можно и дела не делать, и от дела не бегать; и с пользой провести время, и совершить бесполезное путешествие. Прощайте, сэр. (*Уходит.*)

ОРСИНО. Уйдите все.

(КУРИО и ПРИДВОРНЫЕ *уходят.*)

Цезарию, еще раз
Той царственной жестокости скажи:
Весь мир — ничто в сравнении с моим
Высоким чувством; все ее владенья,
Не более чем тлен. Еще скажи:
Ее Фортуны и дары Фортуны
Я презираю — стоя на коленях
Перед графиней, чудом из чудес,
Божественной жемчужиной природы.

ВИОЛА. Но вас она не любит!

ОРСИНО. Я об этом
И слышать не хочу!

ВИОЛА. Но это правда!

Допустим, леди есть и любит вас
Она с таким же в точности надрывом,
Которым вы измучены теперь.
И если вам не нравится она,
То что ей делать? Домогаться вас?

ОРСИНО. Разрывом сердца женщинам грозит
Такая страсть, что грудь мне разрывает!
Не выдержать их маленьким сердцам
Такой любви! Волнением приятным,
А не бурлением крови это чувство
Является для женщин. В них оно
Всего лишь возбуждает интерес,
Ведущий к пресыщению и скуке.
Моя ж любовь в себе вмещает все,
Она — всепожирающее море.

А ты любовь ко мне какой-то леди
Посмел с моей к Оливии сравнить?

ВИОЛА. Но я же знаю...

ОРСИНО. Что ты можешь знать?

ВИОЛА. Как любят эти... женщины. У них
Есть сердце, между прочим, как у нас.
Моя сестра любила одного
Мужчину так же, как и я, возможно,
Любил бы вашу светлость...

ОРСИНО. Что такое?

ВИОЛА. Ну, если стал бы женщиною вдруг...

ОРСИНО. Твоя сестра любила. Дальше что?

ВИОЛА. Так, ничего. Она его любила,
Но он не знал о том. И тайна эта
Сестру, как древоточец, источила:
Исчез румянец, на ее щеках
Болезненная бледность появилась,
А на губах — унылая улыбка;
Сказать короче, вылитый портрет
Безмерного и скорбного Терпенья.
И это не любовь? Да, мы, мужчины,
Клянемся громко, часто без причины;
Даем любви и верности обет,
А верности с любовью нет как нет.

ОРСИНО. И что с твоей сестрою стало, мальчик?

Погибла от любви?

ВИОЛА. Я только в том

Уверен, что у моего отца
Остался я: и сын ему, и дочь...
Так мне идти к миледи?

ОРСИНО. Непременно!

Кольцо ей передай и так скажи,
Что я люблю ее назло всему
И нипочем отказа не приму.

(Уходят.)

Сцена пятая

Дом графини Оливии.

Входят ТОБИ, ЭНДРЮ и ФАБИАН.

ТОБИ. Ты идешь, синьор Фабиан?

ФАБИАН. Еще бы нет! Чтоб мне насмерть обвариться кипятком зависти и скуки, если я до смерти не упыюсь этой забавой.

ТОБИ. Значит, и ты не против, чтобы эта скудоумная зловредная шавка оскандалилась?

ФАБИАН. Это будет просто счастье. Он донес на меня миледи, когда я, не спросясь у нее, ушел на медвежью травлю.

ТОБИ. Мы сами ему медведя заделаем, в пух и прах оболваним. Точно, сэр Эндрю?

ЭНДРЮ. Чтоб нам сгореть, если не оболваним!

ТОБИ. А вот и наша Мария-искусница.

Входит МАРИЯ.

Привет, золотце ты мое червонное!

МАРИЯ. Забирайтесь на самшит да поживей. Через полминуты здесь будет Мальволио. Тут он на самой жаре целых полчаса приседал и расшаркивался перед своей собственной тенью. Хотите посмеяться — затаитесь. Уверена, мое письмецо поразит его, как столбняк. Скройтесь с глаз, иначе испортите все дело. (Роняет письмо.) А ты подожди: сейчас на тебя клюнет рыбка, которую мы поймаем голыми руками. (*Уходит.*)

Входит МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Если не судьба, то не судьба. Впрочем, по словам Марии, я графине далеко не противен. Напротив. Она как-то обмолвилась, что ей может понравиться человек примерно моего уровня. А как она ко мне относится! С каким подчеркнутым уважением. Так она ни с кем из наших не обращается. Вот это что может значить?

ТОБИ. Мерзавец! До чего самоуверен!

ФАБИАН. Тсс! Он задумался и стал похож на индюка. Смотрите, как напыщенно распускает перья!

ЭНДРЮ. Подлец! Вот бы дать ему по шее!

ТОБИ. Да заткнитесь вы!

МАЛЬВОЛИО. Граф Мальволио — это звучит!

ТОБИ. Действительно — подлец!

ЭНДРЮ. А вы его пристрелите. Пистолет я достану.

ТОБИ. Замолчи, я сказал!

МАЛЬВОЛИО. Леди Страччи, например, вышла замуж за своего дворецкого.

ЭНДРЮ. Тьфу на тебя, блудник вавилонский!

ФАБИАН. Тише наконец! Смотрите: он утонул в собственном воображении и даже весь вспучился, как утопленник.

МАЛЬВОЛИО. Месяца через три после свадьбы сию я в шикарном кресле...

ТОБИ. Пращу мне! Надо срочно выбить ему глаз!

МАЛЬВОЛИО. Слуги выются вокруг меня, одетого в шитую золотом бархатную тогу — ведь я только-только выскользнул из объятий все еще спящей Оливии...

ТОБИ. Чтоб ты сгорел в серном пламени!

ФАБИАН. Тише, умоляю вас, тише!

МАЛЬВОЛИО. Веду я себя в полном соответствии со своим положением, мой пристальный взгляд подолгу изучает приближенных, определяя каждому его место, а также дает понять, что и себе цену я тоже знаю. Наконец я велю позвать Тоби, моего, с позволения сказать, родственника...

ТОБИ. Цепь ему на шею и ноги в колодки!

ФАБИАН. Вы что, не можете помолчать?

МАЛЬВОЛИО. Сразу семеро слуг, покорно исполняя мою волю, срываются с места. Я хмурюсь, оттого что мне приходится ждать, и тем временем рассеянно подвожу часы или непринужденно поигрываю каким-нибудь золотым кулоном. Тоби прибегает, склоняется в учтивом поклоне...

ТОБИ. А по-моему, Тоби сносит тебе башку!

ФАБИАН. Молчите, даже если из вас будут тянуть жилы!

МАЛЬВОЛИО. Продолжая произвольно улыбаться, я строго и властно смотрю на него, затем небрежно подаю ему руку для поцелуя...

ТОБИ. И Тоби не дает тебе по морде?

МАЛЬВОЛИО. И говорю: «Тоби, раз уж судьба позволила мне добиться вашей племянницы, я считаю своим долгом объяснить с вами как родственник с родственником...».

ТОБИ. Что я слышу?!

МАЛЬВОЛИО. «Прекратите наконец пьянствовать!»

ТОБИ. Чтоб ты издох, пес шелудивый!

ФАБИАН. Потерпите, иначе мы заживо снимем шкуру с нашей потехи.

МАЛЬВОЛИО. «Кроме того, перестаньте убивать ваше драгоценное время с этим кретинообразным рыцарем...».

ЭНДРЮ. Не меня ли он имеет в виду?.

МАЛЬВОЛИО. «С этим, как бишь его, сэром Эндрю...».

ЭНДРЮ. Я же говорил: мне часто дают такие образные клички.

МАЛЬВОЛИО (*замечает письмо*). Это еще что такое? (*Поднимает его.*)

ФАБИАН. Полежай в мешок, милый петушок!

ТОБИ. Тише! Дорогой дух юмора, пусть он прочтет это вслух!

МАЛЬВОЛИО. Клянусь жизнью, почерк миледи. Узнаю эти «с», «у», «т», это большое «п». Вне всякого сомнения, это ее рука.

ЭНДРЮ. Что это за «с», «у», «п»? Какой-то «суп»... Ничего не понимаю!

МАЛЬВОЛИО (*читает*). «Моему ничего не ведающему возлюбленному, с наилучшими пожеланиями...» И выражения ее! Прости, воск, но я тебя взломаю. Ага! Печать с изображением Лукреции тоже ее. Кому же предназначено письмо?

ФАБИАН. Тебе-тебе — да в самую печень!

МАЛЬВОЛИО (*читает*). «Небо, я люблю его!

Кто ж любви моей предмет?

Не отвечу ничего.

Это мой большой секрет!»

«Это мой большой секрет!» Дальше размер меняется. А вдруг именно ты, Мальволио, являешься предметом ее секретной любви?

ТОБИ. Вот же висельник поганый!

МАЛЬВОЛИО (*читает*). «Я бы любовь свою изгнала,

Но, как Лукреция, в крови

Я от смертельного кинжала:

Меня убил М, О, А, И».

ФАБИАН. Задача для дураков!

ТОБИ. Я же говорил: шикарная девчонка!

МАЛЬВОЛИО. «Меня убил М, О, А, И». Во-первых... нет, позвольте, позвольте...

ФАБИАН. Какую дохлую свинью ему подложили!

ТОБИ. А наш стервятник так и накинулся на нее!

МАЛЬВОЛИО. «Я бы любовь свою изгнала...». Правильно, она моя госпожа, которая может прогнать своего слугу. Здесь все ясно и логично, без каких-либо неувязок. Но финал... Что означают буквы? Если бы их расположение хоть каким-то образом указывало на меня! Итак... «М, О, А, И»...

ТОБИ. Зачем такие сложности? Видите: он потерял след.

ФАБИАН. Ничего, наша псина тотчас учует эту пакость и снова забрешет, как на лисицу.

МАЛЬВОЛИО. Может быть, М — это Мальволио? Ведь с М начинается мое имя.

ФАБИАН. Что я вам говорил? Графская клеветка свое дело знает.

МАЛЬВОЛИО. Так, с М разобрались, а дальше никакой связи, полная нестыковка: вместо А стоит О.

ФАБИАН. Сейчас О, а в конце концов будет «Ого-го»!

ТОБИ. Когда я его-го по башке ого-грею.

МАЛЬВОЛИО. Хотя после М должна идти А: М, А; М, А...

ФАБИАН. Ма-ма... Маму ты позовешь, когда по мозгам получишь.

МАЛЬВОЛИО. М, О, А, И: увы, последовательность букв такова, что из нее много не выжмешь, но если поднатужиться, можно дать ей выгодное для меня истолкование: все до единой буковки есть в имени моем. Ну да ладно. Дальше проза. (*Читает.*) «Если это найдешь именно ты, напряги свои умственные способности. Хотя мои звезды расположены выше твоих, не бойся высоты. Одни высоки от рождения; другие сами достигают высот; третьих на высоту втаскивают. Твоя судьба зовет тебя. Откликнись на ее зов душой и телом. А чтобы новая роль пришлась тебе впору, сбрось с себя жалкие лохмотья смирения и выйди на сцену в роскошном костюме высокомерия. Осади моего родственника, приструни наших слуг, громко выражай свое мнение по всем вопросам, даже когда тебя не спрашивают, наконец порази окружающих своеобразием своих манер. Это предлагает тебе та, которая мечтает о тебе; кого привели в восторг, если ты, конечно, помнишь, твои желтые чулки, искусно украшенные зелеными подвязками крест-накрест, — помнишь? помнишь? Действуй, если хочешь достигнуть всего на свете. Иначе останешься для меня вечным дворецким, старшим слугой, ничтожеством, которого Фортуна не удостоит даже взглядом. Прощай. Мечтающая ни в чем тебе не отказывать, твоя обласканная судьбой Мученица».

Рассвет не столь светел, очевидность не столь видна очам, как то, что мне открылось. Что ж, сделаюсь надменным, изучу науку повелевать, унижу сэра Тоби, очищу круг своих знакомств, стану незаурядным человеком согласно предписания. Я не играю с самим собой в поддавки, не грежу наяву: буквально все говорит о том, что меня любят. Кто? Моя госпожа. Почему? Потому что именно ей понравились мои желтые чулки. Потому что именно она сделала мне комплимент по поводу моих подвязок крест-накрест. Потому что, намекая на то, в каком одеянии ей угодно меня видеть, она тем самым делает шаг мне навстречу. Благодарю вас, звезды мои, вы осчастливили меня. Я изменюсь до не узнавания, стану решительным и резким. Кстати говоря, где мои чулки с подвязками? Немедленно их надеть! Слава Юпитеру! Да здравствуют звезды! А это что? Постскриптум? Как же я сразу не заметил. (*Читает.*) «Думаю, ты уже понял, кто тебе пишет. Если ты готов к любви, покажи это своей улыбкой — она тебе к лицу, любимый. Поэтому

при мне непрерывно улыбайся, шути, смейся, хохочи, очень тебя прошу». Благие боги! Я буду улыбаться, буду шутить, смеяться и вообще исполнять все ее прихоти. (*Уходит.*)

ФАБИАН. Если бы у меня был выбор: принять участие в этой затее или многотысячную пенсию от персидского шаха, я бы отказался от денег.

ТОБИ. А я бы женился на этой девчонке, честное слово!

ЭНДРЮ. И я вместе с вами.

ТОБИ. А вместо приданого попросил бы ее отмочить еще что-нибудь.

ЭНДРЮ. И я попросил бы.

ФАБИАН. А вот и наша укротительница глупцов.

Входит МАРИЯ.

ТОБИ. Хочешь прокатиться на мне верхом?

ЭНДРЮ. А потом на мне?

ТОБИ. Или сыграть на меня в кости? Если я проиграю, то стану твоим верным рабом.

ЭНДРЮ. А я уже становлюсь, ей-Богу!

ТОБИ. Ты вскружила ему голову, а когда он очухается, то и вовсе ее потеряет.

МАРИЯ. Нет, если честно, оно повлияло?

ТОБИ. Как влияние водки в повивальную бабку.

МАРИЯ. Если хотите узнать, во что все это выльется, проследите, в каком виде он явится на первый же зов госпожи. Если он оденет желтые чулки с подвязками, — а она ненавидит и этот цвет, и эту глупую моду; да еще растянет рот до ушей, — а в ее нынешнем меланхолическом состоянии ей вовсе не до смеха, — от этого дурака мокрого места не останется. Идемте со мной, я вам все покажу.

ТОБИ. Хоть к черту на рога, дорогая моя дьяволица находчивости!

ЭНДРЮ. И я на рога. (*Уходят.*)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Дом графини Оливии.

Входят ВИОЛА и ФЕСТЕ с барабаном.

ВИОЛА. Будь здоров, приятель, вместе со своей музыкой. Судя по всему, у тебя сегодня барабанный день.

ФЕСТЕ. Нисколько, сэр. У меня, что ни день, то банный.

ВИОЛА. Стало быть, ты банщик, а не барабанщик.

ФЕСТЕ. Опять мимо, сэр. Мой дом примыкает к бане, вот почему у меня все дни банные.

ВИОЛА. Ты еще скажи, что король, собирая подать, побирается или живет подающим, а ты, наблюдая в церкви за действиями священника, священнодействуешь.

ФЕСТЕ. Хорошо сказано, сэр. Вот он, наш новый век! Остроловы извращают слова и выражения с таким же успехом, с каким выворачивают наизнанку лайковые перчатки.

ВИОЛА. Более того. Когда заигрываешь со словами, это ни к чему хорошему не ведет: они тут же начинают путаться с кем попало.

ФЕСТЕ. Вот почему мне бы не хотелось, чтобы мою сестру звали по имени.

ВИОЛА. Объяснись, дружище.

ФЕСТЕ. Имя тоже слово, и его можно заиграть настолько, что она, того и гляди, собьется с пути истинного. И то сказать, когда на слова наложили путы, они стали совершенного беспутными.

ВИОЛА. Докажи!

ФЕСТЕ. Увы, сэр, не произнося ни слова, ничего не докажешь, а слова так изолгались, что их следует держать подальше от истины.

ВИОЛА. А ты, оказывается, интересный человек, безразличный ко всему на свете.

ФЕСТЕ. Не совсем так, сэр. Кое-что мне все-таки не безразлично, но, по-совести говоря, не вы, и, боюсь, это обстоятельство не позволит мне как следует различить вашу личность.

ВИОЛА. Ты случайно не шут леди Оливии?

ФЕСТЕ. Что вы, сэр, когда речь заходит о ней, шутки в сторону. Но стоит госпоже выйти замуж, как у нее появится персональный шут. Ведь муж похож на шута, как селедка на сардинку, только муж выглядит посолонней. Я же состою при леди Оливии для того, чтобы заниматься словоизвержением, а это дело нешуточное.

ВИОЛА. Но я же видел тебя недавно при дворе герцога Орсино.

ФЕСТЕ. Шутовство, сэр, как солнце, разгуливает по одной и той же орбите и осыпает своими лучами всех и вся. Я бы, наверное, умер от тоски, если бы оно навещало вашего господина реже, чем мою госпожу. Но мне сдается, в тех же краях мы встречались и с вашей премудростью.

ВИОЛА. Стоп! Если ты взялся за меня, мне тут делать нечего. Держи шестипенсовик и прощай.

ФЕСТЕ. Пусть Юпитер выделит вам какую-никакую бороденку из очередной партии бород.

ВИОЛА. Честное слово, я мечтаю о том же (*в сторону*), но не для себя лично. — Что, госпожа дома?

ФЕСТЕ. Скажите, сэр, если одну монету спарить с другой, у них может появиться потомство?

ВИОЛА. Вполне. Только надо, чтобы они пошли по рукам.

ФЕСТЕ. Хотите я сыграю для вас роль Пандара Фригийского? Быть может, тогда вы согласитесь вручить свою Крессида моему Троилу.

ВИОЛА. Все ясно, дружище: ты ловко умеешь вымогать деньги.

ФЕСТЕ. Можете мне поверить, сэр, не так уж сложно выманить у вас вымогательницу.

ВИОЛА. Ты о чем?

ФЕСТЕ. Крессида, если помните, была вымогательницей. Госпожа дома, сэр. Я поведаю ей, откуда вас прислали, но кто вы и с какой целью явились, вне моей орбиты или, если угодно, вне сферы моей деятельности, — к сожалению, это выражение изрядно поистрепалось. (*Уходит.*)

ВИОЛА. Он в роли дурака совсем неплох.

Особые мозги необходимы,
Чтоб видеть, кто стоит перед тобой,
В каком он настроенье; понимать,
Когда шутить уместнее и как;
И, словно дикий сокол, поражать
Любую обнаруженную птицу.
Тут оплошать способен даже умник.
Ведь можно и дурачиться с умом,
И, умствуя, считаться дураком.

Входят ТОБИ и ЭНДРЮ.

ТОБИ. Храни вас Бог, сэр.

ВИОЛА. И вас также, сэр.

ЭНДРЮ. Dieu vous garde, monsieur.

ВИОЛА. Et vous aussi; votre serviteur.

ЭНДРЮ. Если это правда, то и я ваш слуга.

ТОБИ. Не угодно ли вам переступить порог этого дома? Моя родственница жаждет, чтобы вы вошли в его пределы, если, конечно, вы явились с каким-либо относящемся к ней делом.

ВИОЛА. Я имею желание предстать перед вашей родственницей, сэр, ибо именно к ней направлены мои стопы.

ТОБИ. В таком случае рекомендую вам использовать свои ноги, то есть позволить им начать движение.

ВИОЛА. Мои ноги, исполняющие волю своего хозяина, гораздо толковее, чем он, не постигающий сути вашей рекомендации относительно их использования.

ТОБИ. Я имел в виду, что вы можете войти. Прошу вас, сэр.

ВИОЛА. Я непременно войду, сэр, и пусть это станет моим ответом на вашу просьбу. Но, кажется, мы напрасно потратили время.

Входят ОЛИВИЯ и МАРИЯ.

Всесовершеннейшая леди, пусть небеса прольют на вас влагу благоухания.

ЭНДРЮ. Этот юнец настоящий виртуоз по части куртуазной вежливости. «Влага благоухания» — ловко!

ВИОЛА. Содержание моего поручения обретет право голоса только наедине с вашим прихотливым и благосклонным слухом.

ЭНДРЮ. «Влага благоухания», «прихотливый», «благосклонный» — эту троицу надо будет использовать при случае.

ОЛИВИЯ. Господа, закройте за собой садовые ворота, чтобы только я могла слышать его голос.

(ТОБИ, ЭНДРЮ и МАРИЯ уходят.)

Вы можете мне сделать предложение?

ВИОЛА. Какое?!

ОЛИВИЯ. Предложите вашу руку.

ВИОЛА. Мой долг нижайший — вам повиноваться.

ОЛИВИЯ. Как ваше имя?

ВИОЛА. Вашего слугу

Цезарио зовут, моя принцесса.

ОЛИВИЯ. Чьего слугу? Мрачнее стала жизнь,

Когда назвали вежливостью ложь —

Ведь, юноша, вы служите Орсино.

ВИОЛА. Но он же ваш слуга, а тот, кто служит

У вашего слуги, тот служит вам.

ОЛИВИЯ. Бог с ним. О нем забыла я и думать.

Опустошить бы все его мечты,
Чем их впустую мною заполнять.

ВИОЛА. А я б хотел, чтобы мечты о нем
Воспламенили вас.

ОЛИВИЯ. Ах, перестаньте!

Я вам велю помалкивать об этом.
Когда бы за кого-нибудь другого
Просили вы, то музыкою сфер
Звучали б ваши речи.

ВИОЛА. Госпожа...

ОЛИВИЯ. Прошу прощенья, я вас перебыю.

Когда я под влияньем ваших чар
Вдгонку вам отправила кольцо,
Вы что вообразили? Я тем самым
Унизила себя, слугу и вас.
Вы же могли, чужое получив,
В коварстве гнусном уличить меня,
А честь мою бездушно, как палач,
На дыбу осуждения подвесить
И плетью черных мыслей отхлестать.
Теперь вам ясно: грудь моя прикрыта
Не грубой кожей, но воздушной тканью.
Что скажете?

ВИОЛА. Что мне вас очень жаль.

ОЛИВИЯ. Но жалость — первая ступень любви.

ВИОЛА. Ни полступеньки. Разве это новость,
Что иногда жалеют и врагов?

ОЛИВИЯ. Смешно, ей-Богу! Бедные порой
Куда вышемерно богатых.
Нет, если суждено кому пропасть,
То лучше в пасти льва, а не шакала.

Бьют часы.

Часы сказали, — я теряю время.
Не бойся, мальчик, ты не нужен мне.
И все-таки, когда нальется соком
Неспелый разум твой, одна из нас
Воспользуется зрелостью твоей.
Теперь ступай куда глаза глядят!

ВИОЛА. Я так и поступлю. И всяких благ
Я вашему сиятельству желаю.
Вам нечего милорду передать?

ОЛИВИЯ. Постой! Что ты подумал обо мне?

ВИОЛА. Что не свою играете вы роль

И знаете об этом.

ОЛИВИЯ.

И о вас

Могу я то же самое сказать.

ВИОЛА. Ну да, я не такой, каким кажусь.

ОЛИВИЯ. Но окажитесь тем, кто нужен мне.

ВИОЛА. Едва ли это было бы возможно.

Но лучше быть таким, как вы хотите,

Чем круглым дураком, как я сейчас.

ОЛИВИЯ. Ты надо мной смеешься? Но к лицу

И насмехаться дерзкому юнцу.

Кромешный грех крадется в темноту,

А страсть, она и ночью на свету.

Поверь мне ради чистой красоты,

Девичьей чести, правды и мечты:

Я вас люблю, о гордости забыв,

Хотя и неразумен мой порыв.

Пожалуй, возымеешь ты желанье

Не отвечать признаньем на признание,

Но ведь любовь нежданная желанна

Куда сильнее той, что долгожданна.

ВИОЛА. Один я — и клянусь одной душой,

Одною честью, правдою одной:

Нет и не будет женщины такой,

Что мне однажды станет госпожой.

Бывать у вас мне больше нет причины:

Зачем вам слезы герцога Орсино?

ОЛИВИЯ. Но без тебя я сил не собираю

Любить того, кто мне не по нутру.

(Уходят.)

Сцена вторая

Дом графини Оливии.

Входят ТОБИ, ЭНДРЮ и ФАБИАН.

ЭНДРЮ. И не уговаривайте, я здесь больше ни минуты не останусь.

ТОБИ. С чего это вдруг, голова бедовая, с какой стати?

ФАБИАН. Вот именно, сэр Эндрю, с чего и с какой?

ЭНДРЮ. Можно подумать, я не видел, как ваша племянница воркует с мальчишкой, который у герцога на побегушках. Со мной она так никогда не любезничала. Это было в саду, между прочим, я сам видел.

ТОБИ. Погоди, старичок. Она-то тебя видела?

ЭНДРЮ. Как я вас. Даже лучше.

ФАБИАН. Что и требовалось доказать: она вас любит.

ЭНДРЮ. Черт возьми! Вы меня что, совсем за осла держите?

ФАБИАН. Хотите, сэр, я докажу вам это — быстро, четко и доходчиво?

ТОБИ. Соглашайся, ведь это лучший способ судить и быть судимым. Его взяли на вооружение задолго до того, как Ной стал капитаном.

ФАБИАН. Графиня хотела подразнить вас. Да, она мило говорила с юношей на ваших глазах — и что же? Почему это зрелище не разбудило ваш дремлющий кураж, не зажгло ваше сердце, не впилося вам в печенки? Вам следовало вклиниться в их разговор, напечь свеженьких, огнедышащих шуточек и затолкать их юнцу в глотку. Это была явная игра в поддавки, а вы сплеховали. Выпустили из рук золотую монету удачи. Оставив миледи, вы поплыли на север ее благосклонности, где и закончите сосулькой на рее. Впрочем, все еще можно поправить либо с помощью вашего умопомрачительного мужества, либо путем интриги.

ЭНДРЮ. Делать нечего, пусть будет мужество. Интрига — гнусная вещь. По мне интриган хуже пуританина.

ТОБИ. Итак, пусть фундаментом вашей фортуны послужит отвага. Вызови мальчишку на дуэль, напади на него и просверли в нем одиннадцать отверстий. Моя племянница, уж ты мне верь, непременно оценит твой поступок, ведь ни одна сваха в мире не даст мужчине столько ценных рекомендаций, как молва о его победах.

ФАБИАН. Похоже, придется драться, сэр Эндрю.

ЭНДРЮ. А кто отнесет ему мой вызов?

ТОБИ. Ты, главное, напиши, только подтверже, пооскорбительней и позабористей. Умничать не обязательно, сгустить краски

можно, а присочинить что-нибудь — даже нужно. Поиздевайся над ним на всю чернильницу. Пару раз можешь тыкнуть, это полезно, а насчет вранья — молоти, насколько хватит бумаги, и не беда, если она у тебя будет величиной с простыню. Действуй. Не забудь разбавить чернила желчью. И не думай о том, чем писать: подойдет и гусиное перо. Все понятно? Тогда беги.

ЭНДРЮ. Где место встречи?

ТОБИ. У тебя в cubiculo.

ЭНДРЮ. Где-где?!

ТОБИ. В твоей комнате. Иди же.

(ЭНДРЮ уходит.)

ФАБИАН. Сэр Тоби, вам очень дорого это чучело?

ТОБИ. Я ему еще дороже, тысячи на две дукатов с гаком.

ФАБИАН. Представляю, что он там понапишет. Неужели вы передадите его писанину?

ТОБИ. Там видно будет. Ты же попытайся раздраконить мальчишку — чтобы он ответил на вызов. Сдается мне, их быками с места не сдвинешь, морскими канатами друг с другом не сведешь. Если ты проткнешь печень этого Эндрю, в ее крови не утонет и блоха, а ежели вдруг утонет, я самолично сожру все его потроха.

ФАБИАН. Тот мальчишка, судя по виду, тоже не великий охотник до драк.

ТОБИ. Смотри, вот и наша пичужка.

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ. Идемте со мной, — вы обхохочетесь, лопнете со смеху. Этот Мальволио — настоящий кретин. Только варвар или еретик мог бы поверить в чудовищные басни из письма, настоящему христианину это бы и в голову не пришло. Нам нем желтые чулки.

ТОБИ. Перевязанные крест-накрест?

МАРИЯ. Самым безвкусным образом. Он похож на учителя из церковно-приходской школы. Я кралась за ним по пятам, как убийца за жертвой. Он в точности выполняет все пункты записки, которая заморочила ему голову, и, само собой, улыбается, от чего у него на роже образовались складки, как на карте гористой местности. На это стоит посмотреть. Мне так и захотелось дать ему чем-нибудь по башке. Помяните мое слово, госпожа собственноручно прибьет его. А он с той же самой улыбкой примет ее колотушки за особую милость.

ТОБИ. Что ж мы стоим? Скорее веди нас туда.

(Уходят.)

Сцена третья

Улица.

Входят СЕБАСТЬЯН и АНТОНИО.

СЕБАСТЬЯН. Напрасно вы пошли меня искать.

Но если это вас не затруднило,
То упрекать вас — бесполезный труд.

АНТОНИО. Я ждать не мог. Желанье быть при вас

Пришпорило, впилося в меня, как сталь.
Я мог бы для того, чтоб видеть вас,
Гораздо больше сделать, но теперь
Я вышел вслед за вами, опасаясь,
Что вы, неопытный и одинокий,
Наткнетесь здесь на негостеприимство, —
Нередко так встречают чужестранцев.
И вот любовь, усиленная страхом,
Заставила меня вас разыскать.

СЕБАСТЬЯН. Чем, кроме благодарности, на это

Могу я вам, Антонио, ответить?
Благодарю вас и благодарю.
Порой мы в состоянье лишь словами
Платить за благородные дела.
Но если б щепетильности под стать
Имел я средства, вы б не прогадали.
Чем мы займемся? Город обойдем?
Здесь достопримечательностей много.

АНТОНИО. Сперва найдем приют, а там посмотрим.

СЕБАСТЬЯН. Я не устал, и спать ложиться рано.

И можно любопытство утолить:
Старинный этот город осмотреть,
Что древностями славится своими.

АНТОНИО. Простите, но разгуливать свободно

Я не могу здесь. Герцогским галерам
Я так в бою однажды удружил,
Что не спастись мне в случае чего.

СЕБАСТЬЯН. Была кровавой схватка?

АНТОНИО. Не сказал бы.

Хотя все шло к тому, что в драке той
Могло пролиться много больше крови.
Давно бы можно было возместить
Мне тот ущерб — торговых ради выгод, —

Как земляки мои и поступили,
Но я... за все сторицей заплачу,
Когда меня здесь кто-нибудь приметит.
СЕБАСТЬЯН. Раз так, не открывайтесь никому.
АНТОНИО. Конечно. Вот вам деньги. Лучше всех
Гостиниц здешних «Слон», в предместье южном.
Пужинаем там и заночуем.
О том я позабочусь. А у вас
Есть время и по городу пройтись,
И душу впечатленьями насытить.
А я вас буду ждать.
СЕБАСТЬЯН. На что мне деньги?
АНТОНИО. Да мало ли... Приглянется вещица,
А кошелек ваш, знаю, не осилит
Пустячных трат.
СЕБАСТЬЯН. Ну, ладно, присмотрю
За вашим кошельком, а через час
Я вас найду...
АНТОНИО. В «Слоне».
СЕБАСТЬЯН. А где ж еще?

(Уходят.)

Сцена четвертая

Дом графини Оливии.

Входят ОЛИВИЯ и МАРИЯ.

ОЛИВИЯ. Он обещал зайти. А как придет,
Что предложить ему? Чем угодить?
Не поддается юность на мольбы,
Зато польститься может на подарки.
Что ж я кричу? — Мальволио! Где он?
Как подобает лучшему слуге,
Он вышколен и строг. Найди его.
МАРИЯ. Уже нашла. Он сейчас будет, но с ним творится что-то
неладное. Честное слово, мадам, он сбрендил.
ОЛИВИЯ. Что ты несешь? Он что же, рвет и мечет?

МАРИЯ. Если бы, мадам. Всего лишь улыбается. Но если он заявится, вашему сиятельству охрана не помешает. Честное слово, он не в своем уме.

ОЛИВИЯ. Ступай за ним.

(МАРИЯ уходит.)

Куда как мы близки:

Свихнулись — я от счастья, он с тоски

МАРИЯ *возвращается с* МАЛЬВОЛИО.

Мальволио...

МАЛЬВОЛИО. Дражайшая миледи! Ха-ха-ха!

ОЛИВИЯ. Вам весело?! А мне не по себе.

МАЛЬВОЛИО. Не по себе, госпожа? Мне, между прочим, тоже: от этих крестообразных подвязок у меня отекают ноги. Ну и что? Если это нравится очам одной особы, так тому и быть. Как бишь в одном славном сонете? «Она довольна, значит, все довольны!»

ОЛИВИЯ. Да что с тобой? В своем ли ты уме?

МАЛЬВОЛИО. На душе у меня светло, хотя ноги мои и пожелтели. Если хотите знать, оно в руках известного вам адресата. Стало быть, все будет исполнено в точности. Нам ли не признать этот легкий округлый почерк?

ОЛИВИЯ. Мальволио, не лечь ли вам в постель?

МАЛЬВОЛИО. В постель? Конечно, сердце мое, разве я могу тебе отказать!

ОЛИВИЯ. Храни тебя Господь! Чему ты улыбаешься и с какой стати поминутно чмокаешь воздух?

МАРИЯ. Что с вами, Мальволио?

МАЛЬВОЛИО. Ничего — так отвечают галкам соловьи.

МАРИЯ. Почему вы с такой бесстыжей дерзостью разговариваете с графиней?

МАЛЬВОЛИО. «Не бойся высоты», — так было написано?

ОЛИВИЯ. Где написано, Мальволио?

МАЛЬВОЛИО. «Одни высоки от рождения...».

ОЛИВИЯ. Ты о ком?

МАЛЬВОЛИО. «...другие сами достигают высот...».

ОЛИВИЯ. Какой-то бред?

МАЛЬВОЛИО. «...третьих на высоту втаскивают».

ОЛИВИЯ. Да исцелит тебя небо!

МАЛЬВОЛИО. «Кого привели в восторг, если ты, конечно, помнишь, твои желтые чулки?»

ОЛИВИЯ. Мои чулки?!

МАЛЬВОЛИО. «...искусно украшенные зелеными подвязками крест-накрест...».

ОЛИВИЯ. С нами крестная сила!

МАЛЬВОЛИО. «Действуй, если хочешь достигнуть всего на свете».

ОЛИВИЯ. Это ты мне?!

МАЛЬВОЛИО. «...иначе останешься для меня вечным дворецким, старшим слугой...».

ОЛИВИЯ. Совсем спекся на солнцепеке!

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Госпожа, юный придворный герцога Орсино здесь. Мне стоило труда убедить его вернуться. Он ждет распоряжений вашей светлости.

ОЛИВИЯ. Я сейчас выйду к нему.

(СЛУГА уходит.)

Дорогая Мария, за нашим другом надо присмотреть. Пусть им займется мой родственник Тоби. Поручите его слугам: бедняга нуждается в особом уходе. Только бы он пришел в себя. За это я бы не пожалела и половины приданого.

(ОЛИВИЯ и МАРИЯ уходят.)

МАЛЬВОЛИО. До чего дошло! Теперь все увидят, кто я есть. Сам сэр Тоби будет ходить за мной! Все по предписанию: она шлет Тоби ко мне, чтобы я как следует унизил его. Разве не об этом шла речь в письме? «Сбрось с себя жалкие лохмотья смирения, — такими были ее слова, — осажу моего родственника, приструни наших слуг, громко выражай свое мнение по всем вопросам, даже когда тебя не спрашивают, наконец порази окружающих своеобразием своих манер». Плюс инструкция относительно этих самых манер, а именно: надменный взгляд, гордая осанка, размеренная речь и прочие замашки, присущие солидной особе. Попалась птичка! Но это все благодаря Юпитеру — ему и спасибо. А ее последние слова: «За нашим другом надо присмотреть». Другом! То есть я для нее не Мальволио, не какой-нибудь дворецкий, а просто друг. Милый друг! Тут уж ни убавить, ни прибавить: ни крупички, ни грана сомнения, ни грана крупички. Все несомненно, ни одного барьера, ни одной подозрительной или внушающей опасение мелочи. Без

слов ясно: на горизонте моих надежд нет ничего зловещего. Но я ни при чем: здесь рука Юпитера, его и благодарить.

Возвращается МАРИЯ с ТОБИ и ФАБИАНом.

ТОБИ. Ради всех святых пустите меня к нему! Я переговорю с ним, даже если в него вселился целый ад в миниатюре и легион бесов в придачу.

ФАБИАН. Только осторожней. — Что с вами, сэр? Вам плохо, друг?

МАЛЬВОЛИО. Ступайте вон! Вы уволены. Как вы посмели нарушить мое уединение. Вон, я сказал!

МАРИЯ. Слышите, как у него изменился голос? Это демон глухо бормочет его устами. Я вам говорила. Сэр Тоби, миледи просила вас заняться им.

МАЛЬВОЛИО. Вот-вот! То-то и оно!

ТОБИ. Тише вы. Не суетитесь. Тут надо взяться понежней. Дайте я попробую. — Как вы, Мальволио? Как ваше здоровье? Что ж это, дружище? Скорей отступитесь от дьявола. Пора бы знать, что он враг рода человеческого.

МАЛЬВОЛИО. Что вы городите, сэр Тоби?

МАРИЯ. Слыхали, как он переживает, когда вы задеваете дьявола? Только бы он, упаси Господи, не околдовал бедолагу!

ФАБИАН. Надо показать его мочу знахарке.

МАРИЯ. Завтра же снесу, если доживу. Миледи страх как не хочет его лишиться.

МАЛЬВОЛИО. Что такое, мистрис?

МАРИЯ. О Господи!

ТОБИ. Стоп! Все молчок. Сами видите, как раздражают его ваши речи. К нему нужен иной подход. Не суйтесь, я сам.

ФАБИАН. Только поласковой с ним, поласковой. Ласка — это все. Такие наглецы, как дьявол, сами терпеть не могут наглости.

ТОБИ. Как твоё здоровье, петя-петушок? Как ты себя чувствуешь, цып-цыпленочек?

МАЛЬВОЛИО. Вы что, сэр?!

ТОБИ. «Милый мой, пойдём со мной». Как же так, приятель? Такой солидный малый, а играет в прятки с дьяволом. Да чтоб он издох, поганый углежог!

МАРИЯ. Пусть молитву скажет, дорогой сэр Тоби. Заставьте его помолиться.

МАЛЬВОЛИО. Мне молиться? Ах ты змея!

МАРИЯ. Что я вам говорила? Он и слышать не хочет о благочестии.

МАЛЬВОЛИО. Пропадите вы пропадом, висельники! Ровня я

вам, что ли? Погодите, я вам устрою, мелюзга несчастная! (*Уходит*).

ТОБИ. Что это было?

ФАБИАН. В театре я бы освистал подобную сцену как фальшивую и противоестественную.

ТОБИ. Друзья мои, он явно заболел: наша затея оказалась более чем заразной.

МАРИЯ. Надо вконец одурманить его, не то зараза выветрится.

ФАБИАН. Тогда он в самом деле спятит.

МАРИЯ. Зато в доме наступит мир и покой.

ТОБИ. Может, свяжем его и — в кладовку, под замок? Моя племянница поверила в его невменяемость, значит, мы можем продолжать: и сами повеселимся, и его проучим. А когда наша потеха выдохнется, мы, так и быть, простим его. После чего предадим дело огласке, всех оправдаем, а тебя за твое чутье на сумасшедших приговорим к ношению венка. — Нет, вы только посмотрите на него!

Входит ЭНДРЮ.

ФАБИАН. Столько всего, да еще в такую жару!

ЭНДРЮ. Читайте. Это вызов. Верьте слову, здесь есть и уксус, и перец.

ФАБИАН. А горчица?

ЭНДРЮ. И прочие специи тоже. Читайте.

ТОБИ. Дай-ка сюда. (*Читает.*) «Молодой человек, не знаю, кто вы такой, но ты скотина!»

ФАБИАН. Отлично сказано! Сильнее некуда.

ТОБИ (*Читает*). «Если ты удивлен или даже потрясен до глубины души, то напрасно: я не собираюсь объяснять, почему я так с вами обхожусь».

ФАБИАН. Дельное замечание. Если что, закон будет на вашей стороне.

ТОБИ (*Читает*). «Ты навязываешься леди Оливии, и она назло мне нежно беседует с тобой. Но не смей мне врать, — я вас вызываю по другому поводу».

ФАБИАН. Резко и весьма неглупо. Не... глупо.

ТОБИ (*Читает*). «Имей в виду: я подкараулю тебя за углом, но если ты исхитришься убить меня...».

ФАБИАН. Здорово!

ТОБИ (*Читает*). «...то с вашей стороны это будет гнусное и подлое убийство».

ФАБИАН. В эту калитку вы сможете ускользнуть от закона. Ловко!

ТОБИ (*Читает*). «Прощай навсегда. И пусть Господь решает, чью душу — вашу или мою — Он помилует. Может, Он смилуется над моей, но я верю в справедливость — зарубите себе это на носу. Твой друг, если ты заслужишь мою дружбу, в противном случае ваш кровный враг Эндрю Эгьючик». Если уж это не затронет его, значит, он вовсе тронутый. Берусь отнести ему твой вызов.

МАРИЯ. Самое время: он как раз заканчивает говорить с миледи и с минуты на минуту отправится восвояси.

ТОБИ. Пора, сэр Эндрю, ступай. Затаись где-нибудь в саду, как сборщик налогов; можешь даже шпагу вынуть. При виде юнца нападай; нападая, кричи и ругайся. Потому что порой за истинное мужество принимаются не столько мужские поступки, сколько жуткие ругательства вкупе с зычными хвастливыми выкриками. Действуй.

ЭНДРЮ. Что-что, а ругаться предоставьте мне. (*Уходит.*)

ТОБИ. Я и не подумал передавать этот бред. Невооруженным глазом видно, что юноша умен и образован, одним словом, настоящий джентльмен. Не случайно же он исполняет роль посредника между своим господином и моей племянницей. Этот вызов, образцовый по своему кретинизму, не заставит юношу показать пятки: с первого взгляда на бумагу он поймет, что та составлена рукой идиота. Лучше передать картель устно. Я такое наплету о доблестях Эндрю Эгьючика, в таком преувеличенно жутком виде представлю его мужество, силу, ярость и запальчивость, что молодой человек — именно в силу своей молодости — запросто уверует в эту белиберду. С перепугу они изничтожат друг друга взглядами, как василиски.

ФАБИАН. Вот и он, легок на помине, идет с госпожой. Дайте ему с нею попрощаться, и за дело.

ТОБИ. А пока я сочиню что-нибудь пострашнее.

(ТОБИ, ФАБИАН и МАРИЯ *уходят.*)

Входят ОЛИВИЯ и ВИОЛА.

ОЛИВИЯ. Я слишком много, каменное сердце,

И даже честь свою неосторожно

Доверила тебе. За этот грех

Себя я упрекаю, но настолько

Упрям он и силен, что не страшны

Ему не оскорбленья, ни насмешки.

ВИОЛА. И господин мой, как и вы, страдает

От пылкой страсти.

ОЛИВИЯ.

Вот вам мой портрет.

Вы не хотите брать? Но он не будет
Вас раздражать речами. Умоляю,
Придите завтра. Я бы вашу просьбу
Исполнила любую, лишь бы только
При этом честь моя не пострадала.

ВИОЛА. Не пострадает — я же вас прошу
Влюбиться в господина моего.

ОЛИВИЯ. Но не могу же я отнять у вас
То, что сама вручила.

ВИОЛА. Отнимайте.

ОЛИВИЯ. Ступай. До завтра. Будь ты даже бес,
Я в ад к тебе сошла бы и с небес.

(Уходит.)

Входят ТОБИ и ФАБИАН.

ТОБИ. Храни тебя Бог, джентльмен.

ВИОЛА. И вас также, сэр.

ТОБИ. Если ты владеешь шпагой, приготовься. Я не знаю, за какую-то такую провинность он на тебя взъелся, но твой противник весь в ярости и жаждет крови, как гончая собака. Он караулит тебя в дальнем конце сада. Опрости свои ножны и возьми шпагу наизготовку, потому что твой искушенный в боях враг атакует молниеносно и смертельно.

ВИОЛА. Что вы, сэр! Даю вам слово, я ни с кем не ссорился. Насколько помню, здесь нет ни одного человека, хотя бы как-то обиженного мною.

ТОБИ. К сожалению, это не соответствует действительности. Если жизнь имеет для вас хоть какую-то цену, прибегните к самозащите, ибо ваш недруг снабжен всем необходимым для поединка: молодостью, сноровкой и неукротимостью.

ВИОЛА. Скажите, пожалуйста, сэр, кто он такой?

ТОБИ. Он получил рыцарское звание не за просто так, то есть не задаром. По части дворовых стычек один на один это черт знает что такое. Трижды, по крайней мере, он выпускал дух из тела. Еще до самой схватки он становится таким бешеным, что унять его злобу могут только предсмертные судороги плюс траурная музыка. Пан или пропал, жизнь или смерть, — это его боевой клич.

ВИОЛА. Тогда я вернусь в дом за охраной. Леди мне не откажет. Я ведь совсем не дуэлянт и сторонюсь людей, которые нарочно цепляются к другим, чтобы проверить, насколько те храбры. Сдается, мне он из таких.

ТОБИ. Никоим образом, сэр. Его остервенение вызвано более

чем серьезным оскорблением. Поэтому от дуэли вам не уйти. А в дом я сам вас не пущу, и тогда вам придется возиться со мной, а не с тем, от кого вы хотите отвертеться, хотя он менее опасен. Итак, шпагу наголо и — вперед! Вы будете драться, уверяю вас. Иначе на кой вам эта железяка?

ВИОЛА. Но это не совсем вежливо и совсем непонятно. Я вас убедительно прошу, будьте любезны узнать у рыцаря, за какие грехи он хочет расправиться со мной. Допустим, я задел его, но это могло произойти случайно, без всякого умысла с моей стороны.

ТОБИ. Ладно, уговорили. Сеньор Фабиан, пока я хожу, присмотрите за молодым человеком. (*Уходит.*)

ВИОЛА. Если вас не затруднит, сэр, скажите, что здесь происходит?

ФАБИАН. Ничего особенного, за исключением того, что с вами может произойти решительно все, включая противоестественную гибель от руки рыцаря — настолько свирепо он настроен против вас.

ВИОЛА. Скажите, пожалуйста, что он за человек?

ФАБИАН. Ни то ни се — если судить по внешнему виду. Но не рекомендую испытывать его отвагу. Можете не сомневаться, сэр, это самый что ни на есть искусный, отчаянный и беспощадный головорез. Другого такого вы не сыщете во всей Иллирии. Вы, я вижу, намерены пройти к нему. При желании я могу уладить дело миром.

ВИОЛА. Буду вам очень признателен. Если хотите знать, я рожден не столько для битвы, сколько для молитвы и вовсе не мечтаю прославиться как бретер. (*Уходит.*)

Входят ТОБИ и ЭНДРЮ.

ТОБИ. Уж ты мне верь, приятель, это дьявол во плоти. Отродясь не встречал таких сорвиголов. Мы тут с ним малость поступали рапирами, ножами и еще кое-чем, так с ним просто спасу нет: бьет прямо наповал. А встречает удары так жестко, что, того и гляди, полетишь вверх тормашками. По слухам, он служил телохранителем персидского шаха.

ЭНДРЮ. Вот ведь холера какая! Прямо не знаю теперь, как от него отвязаться.

ТОБИ. Поздно. Он так и рвется в драку. Фабиан насилу сдерживает его.

ЭНДРЮ. Чтоб он околел! Кабы знать, что он такой лихой малый и так здорово владеет шпагой, то, будь он трижды проклят, прежде чем я бы с ним схлестнулся. Вот что: я отдам ему своего коня, серого Капилета, пусть только отстанет от меня.

ТОБИ. Хорошо, я с ним переговорю. А ты не вздумай уходить и держи себя в руках. Будем надеяться, до смертоубийства не дойдет. (*В сторону.*) Погоди, я оседлаю твоего Капилета, как тебя самого.

Входят ВИОЛА и ФАБИАН.

(ФАБИАНУ.) Он поверил, что юнец подлинный дьявол и подарит мне лошадь, если я улажу конфликт.

ФАБИАН. Мальчишка тоже от него в ужасе. Стоит ни жив, ни мертв, а побледнел так, словно чувствует за собой дыхание медведя.

ТОБИ (ВИОЛЕ). Ничего не попишешь, сэр, ведь он поклялся скрестить с вами шпагу. Но когда пораскинул мозгами, то в общем согласился, что причина для поножовщины в сущности грошовая. Чтобы он не оказался клятвопреступником, вы тоже должны для виду вынуть оружие. Он торжественно заявляет, что вам больно не будет.

ВИОЛА (*в сторону.*) Спаси и сохрани меня, Господи! Еще минута, и я признаюсь, что мужского во мне, — только штаны.

ФАБИАН. Если он все же взбесится, падайте навзничь: лежа-чего не бьют.

ТОБИ. Деваться некуда, сэр Эндрю, идемте. Молодой человек намерен обменяться с вами парой-тройкой ударов — гордость заела: настоящий джентльмен не может отказаться от дуэли. Но он дал мне слово рыцаря и дворянина, что ничего такого он вам не делает.

ЭНДРЮ. Господи, услышь его клятву! (*Вытаскивает шпагу.*)

ВИОЛА. Честное слово, я тут ни при чем. (*Вытаскивает шпагу.*)

Входит АНТОНИО.

АНТОНИО (*к* ЭНДРЮ). Отстаньте от него! Кто б ни затеял —

Вы или юный джентльмен — эту ссору,

Иметь вы дело будете со мной!

ТОБИ. Что это значит, сэр? Кто вы такой?

АНТОНИО. Кто так им дорожит, что для него

Готов и больше сделать, чем сказал.

ТОБИ. Ну, если вам неймется, извольте. (*Вытаскивает шпагу.*)

ФАБИАН. Стойте, сэр Тоби! Смотрите: стража!

ТОБИ. Через пару минут продолжим.

ВИОЛА (*к* ЭНДРЮ). Не угодно ли вам вложить шпагу в ножны?

ЭНДРЮ. Конечно, угодно. А если я что пообещал, то мое слово твердо. Ход у него легкий, и поводьев он слушается.

Входят ОФИЦЕР и СТРАЖНИК.

ОФИЦЕР. Схватить его!

СТРАЖНИК. Антонио, ни с места!

Ты именем Орсино арестован!

АНТОНИО. Я не Антонио.

ОФИЦЕР. Не отпирайся!

Ты не в матросской робе, но тебя

Я все же опознал. Держи его!

Попался он, и сам об этом знает.

АНТОНИО. Что ж, воля ваша.

(ВИОЛЕ.)

Я вам говорил,

Чем я рискую, если выйду в город.

Но это ладно. Что же будет с вами?

Я вас прошу вернуть мне кошелек.

Не то беда, что я попал под стражу,

А то, — что нам расстаться предстоит.

Но выше голову, не огорчайтесь.

СТРАЖНИК. Пройдемте, сэр.

АНТОНИО. Я вынужден просить

У вас немного денег.

ВИОЛА. Денег, сэр?

Хотя их у меня совсем не густо,

Но с вами поделиться я готов.

Вы, как я вижу, добрый человек,

Поскольку заступились за меня,

Забыв о безопасности своей.

Немного здесь, но это половина

Моей казны.

АНТОНИО. Меня вы предаете?!

Не может быть! Так отплатить за все,

Что сделал я? Но, чтобы не свести

Себя с ума, не стану унижаться

Ни до упреков, ни до исчисления

Услуг, что вам оказаны с любовью.

ВИОЛА. О них впервые слышу я от вас,

Хотя и вас-то вижу в первый раз.

Всего же больше ненавижу я

Ни хвастунов, ни пьяниц, ни лгунов,
Ни тех, кто в подлых закоснел пороках,
Убийственных для тела и души,
Но именно людей неблагодарных.

АНТОНИО. О небеса!

СТРАЖНИК. Идемте, господин.

АНТОНИО. Нет, погодите! Этого мальчишку,
Почти уже проглоченного смертью,
Я спас; потом выхаживал его,
Как сына; этот образ — совершенный,
Как мне казалось, — я боготворил...

ОФИЦЕР. И что с того? Идемте. Время вышло.

АНТОНИО. А он не Бог, а глиняный божок.

Ты, Себастьян, свой образ опозорил.

Порочен тот, кто разумом нетверд.

Природу портит нравственный урод.

Добро красиво, но красавчик злой —

Трухлявый ствол, взращенный сатаной.

ОФИЦЕР. Чего мы ждем? Он тронулся. Идем!

АНТОНИО. Ну, что ж, пошли.

(АНТОНИО, ОФИЦЕР и СТРАЖНИК уходят.)

ВИОЛА. Он был взволнован, верил он вполне

Всему, что говорил. А как быть мне?

Поверить в то, что это все не сон

И что меня за брата принял он?

ТОБИ. Ко мне, мой рыцарь. Вот что, Фабиан: нам надо кое о чем пошептаться. Может, припомним какую-нибудь рифмованную премудрость.

ВИОЛА. Сказал он: «Себастьян»... Долой сомненье!

Брат на меня похож, как отражение,

А я на брата; и в такой одежде

Хожу теперь, в какой ходил он прежде.

Но если жив он, то любви полна

Была нас утопившая волна!

(Уходит.)

ТОБИ. Подлый, мерзкий сопляк! Трусливый заяц! Бросил друга в беде! Только подлец способен на предательство. Скажи, Фабиан, разве он не трус?

ФАБИАН. Еще какой! Трус беспримесный; я бы даже сказал, правоверный.

ЭНДРЮ. Была не была! Догоню-ка я его и надаю по шее!
ТОБИ. Правильно. Всыпь ему по первое число. Только шпагу
в ход не пускай.

ЭНДРЮ. Сам знаю. (*Уходит.*)

ФАБИАН. Интересно, чем все это кончится.

ТОБИ. Спорим на любые деньги, что ничем. (*Уходят.*)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Перед домом Оливии.

Входят СЕБАСТЬЯН и ФЕСТЕ.

ФЕСТЕ. По-вашему, я послан не за вами?

СЕБАСТЬЯН. Проваливай, проваливай, болван!

Ты надоел мне хуже горькой редьки.

ФЕСТЕ. Надо же, и ухом не ведет! Ладно, я вас не знаю, послан
госпожой не по вашей душе, она не хочет с вами говорить, вы не
Цезарио, а это не мой нос. Короче, я не я, и хата не моя.

СЕБАСТЬЯН. Прерви течение глупости своей.

Ты, повторяю, знать меня не знаешь.

ФЕСТЕ. Течение глупости! Он подслушал это выражение, присутствуя при умной беседе, а теперь употребляет его в дурацком разговоре. Течение глупости! Таким вот образом деревенщина и выдает себя за горожанина — я имею в виду общество в целом. Ладно, перестань прикидываться чужаком. Лучше скажи, с какой глупостью мне притечь к миледи. Могу ли я сказать, что ты течешь за мной? По-моему, это будет не так уж глупо.

СЕБАСТЬЯН. Послушай, ты, дурацкий приставала,

Возьми монету — только отвяжись.

А то получишь вновь — но по башке.

ФЕСТЕ. Честное слово, ты щедр на руку. Мудрец, который платит шуту, непременно прославится, если, конечно, будет платить лет пятнадцать.

Входят ТОБИ, ЭНДРЮ и ФАБИАН.

ЭНДРЮ. Хорошо, что мы с вами снова встретились. Вот вам, сэр. (*Бьет СЕБАСТЬЯНА.*)

СЕБАСТЬЯН. А вот тебе! И вот! И вот! И вот!

(*Бьет ЭНДРЮ.*)

Вы, что же, все с ума здесь посходили?

ТОБИ. Уймись, сэр, не то я сломаю вашу шпагу! Я сказал, уймись! (*Хватает СЕБАСТЬЯНА за руки.*)

ФЕСТЕ. Побегу-ка я к леди. Я бы и за два пенса не променял свою шкуру на одну из этих. (*Уходит.*)

ЭНДРЮ. Нет, не мешай ему. Я с ним рассчитаюсь, только иначе: вчиню ему иск за нанесение тяжких телесных повреждений. Посмотрим тогда, есть в Иллирии законы или нет. А если я ударил первым, то это не считается.

СЕБАСТЬЯН. Пусти меня!

ТОБИ. Не дергайтесь, сэр, это бесполезно. И не хватайтесь за свою железную штуковину. С чего это вы, юноша, так развоевались? Да успокойтесь, говорю.

СЕБАСТЬЯН *вырывается.*

СЕБАСТЬЯН. А что теперь ты скажешь? Или струсил?

А если нет, то шпагу доставай!

ТОБИ. Что такое? Ну, теперь я просто обязан, дерзкий мальчишка, пустить тебе кровь. Одной-двух унций вполне хватит. (*Вытаскивает шпагу.*)

Входит ОЛИВИЯ.

ОЛИВИЯ. Стой, Тоби! Я сказала, Тоби, стой!

ТОБИ. А вот и леди... принесло.

ОЛИВИЯ. Ты варвар! Ты дикарь! Ты троглодит!

Ты в городе живешь или в пещере?

Как ты себя ведешь? Прочь с глаз моих! —

Цезарию, не стоит обижаться

На этих негодяев. — Вон отсюда!

(ТОБИ, ЭНДРЮ и ФАБИАН *уходят.*)

Хотя с тобой бессмысленно и грубо
Здесь обошлись, я все-таки прошу
Тебя, мой друг, не чувствую доверяться,
Но разуму. Когда узнаешь ты
О сумасбродствах этого бандита,

То над его последнею проделкой
Смеяться будешь сам. Пойдем со мной.
Не думай ни о чем. Чего ж ты медлишь?
С тобой сцепившись, этот мерзкий тип
Вонзил мне прямо в сердце острый шип.
СЕБАСТЬЯН. Что происходит? Что меня влечет?
Безумья или сна водоворот?
Но, если это не река забвенья,
Пусть бесконечным будет сновиденье!
ОЛИВИЯ. Что скажешь ты?
СЕБАСТЬЯН. Что повинуюсь вам.
ОЛИВИЯ. Да, на словах — но ты сказал их сам!

(Уходят.)

Сцена вторая

Дом графини Оливии.

Входят МАРИЯ и ФЕСТЕ.

МАРИЯ. Вот тебе сутана, вот борода. Он должен поверить, что ты сэр Топас, наш викарий. Быстрой переодевайся. А я тем временем схожу за сэрм Тоби. *(Уходит.)*

ФЕСТЕ. Так и быть, прикинусь священником. Не я первый, не я последний прикидываюсь, *осутанев*. Читать с амвона я не могу — маловат ростом, корпеть над книгами не хочу — боюсь отощать, но, право слово, честный человек ничем не хуже богобоязненного, а добрый муж гораздо лучше ученого.

Входят ТОБИ и МАРИЯ.

Ну вот, почти вся компания в сборе.

ТОБИ. Господь с вами, преподобный отец.

ФЕСТЕ. Bonos dies, сэр Тоби, и вам того же. Ведь не случайно пражский затворник, который дожил до седины, в глаза не видя бумаги и чернил, — умудрился возразить племяннице короля Горбодука: «То-то и оно!» Посему: если я пастор, то я он самый и есть. Ибо «то» есть именно «то», а не «се», а «оно» всегда будет «им» и ничем другим.

ТОБИ. Вот с ним, сэр Топас, и говори.

ФЕСТЕ. Эй вы, пребывающие в застенке, мир вам!

МАЛЬВОЛИО (*за сценой*). Кто это там?

ТОБИ. Вот ловкий пройдоха! Просто неподражаемый!

ФЕСТЕ. Сэр Топас, священнослужитель, взывает к Мальволио, душевнобольному.

МАЛЬВОЛИО. Сэр Топас, добрый сэр Топас, милейший сэр Топас, передай миледи...

ФЕСТЕ. Изыди, непотребный демон, из этого несчастного! Доколе ты будешь изгаляться над ним? У него ж на уме сплошные миледи!

ТОБИ. Молодцом, преподобный отец!

МАЛЬВОЛИО. Сэр Топас, меня подвергают неслыханным надругательствам. Я вовсе не помешанный, а они, дорогой сэр Топас, затолкали меня в эту гнусную темницу.

ФЕСТЕ. Тьфу на тебя, сатанинское отродье! Заметь, я обращаюсь с тобой вполне по-Божески. Ибо люди благородные, к числу коих я принадлежу, даже черту не согрубят. По-твоему, здесь темно?

МАЛЬВОЛИО. Сэр Топас, просто ад кромешный.

ФЕСТЕ. Ты спятил, окна в этой нише просвечивают, как решето, а в южной части здания стекла отражают солнце, как эбеновое дерево. А ты толкуешь о какой-то тьме.

МАЛЬВОЛИО. Я не спятил, сэр Топас. Я сижу в полном мраке.

ФЕСТЕ. То-то и оно, безумец! Ты погряз в невежестве, ибо нет большего мрака, чем помрачение ума, которое опутало тебя пуще, чем египтян тьма египетская.

МАЛЬВОЛИО. Я и говорю: если невежество мрачнее ада, то это помещение темнее невежества. Я не безумней тебя. Спроси меня на пробу о чем-нибудь.

ФЕСТЕ. Что говорит Пифагор о переселении душ?

МАЛЬВОЛИО. Что душа нашей бабушки может переселиться в дичь.

ФЕСТЕ. Твое мнение об этой дичи?

МАЛЬВОЛИО. Я думаю, что душа более высокого происхождения и не согласен с Пифагором.

ФЕСТЕ. Тогда не обессудь. Твоя душа по-прежнему во мраке. Я не соглашусь, что ты в своем уме, пока ты не придешь к согласию с Пифагором. И будь поосторожней с дикой уткой: не ровен час подстрелишь свою бабушку. Прощай.

МАЛЬВОЛИО. Сэр Топас, Сэр Топас!

ТОБИ. Именно сэр Топас, причем вылитый!

ФЕСТЕ. Я могу отлить и не такое.

МАРИЯ. А в сутане и бороде не было нужды: он же тебя все равно не видит.

ТОБИ. Теперь поговори с ним своим голосом, а потом перетолкуем, как быть дальше. Думаю, мы слегка заигрались. Пора его выпускать, но чтобы все было шито-крыто. Я так настроил свою племянницу против себя, что мне несдобровать, если наша затея плохо кончится. Ступай и поскорее возвращайся.

(ТОБИ и МАРИЯ уходят.)

ФЕСТЕ (поет). Веселый славный Робин,

Где милая твоя?

МАЛЬВОЛИО. Шут!

ФЕСТЕ (поет). Девчонка разозлилась

И бросила меня.

МАЛЬВОЛИО. Послушай, шут!

ФЕСТЕ (поет). Но как она посмела?

МАЛЬВОЛИО. Это же я, шут!

ФЕСТЕ (поет). Ее другой увлек... — Кто это «я»?

МАЛЬВОЛИО. Добрейший шут, будь другом принеси мне свечу, бумагу и перо. Слово дворянина, я у тебе в долгу не останусь.

ФЕСТЕ. Никак господин Мальволио?

МАЛЬВОЛИО. А кому и быть, шут?

ФЕСТЕ. Прямо не знаю, сэр, как это вы утратили почти все свои умственные способности.

МАЛЬВОЛИО. Никого, шут, еще не истязали столь гнусным образом. А ведь у меня ум, как и у тебя, шут, за разум не зашел.

ФЕСТЕ. Как у меня? Тогда вы точно свихнулись. Что вам за радость, если ума у вас не больше, чем разума у дурака?

МАЛЬВОЛИО. Я для них пустое место. Они упрятали меня во тьму, подослали пастора — осла, каких мало! — и вообще такое со мной вытворяют, что я, того и гляди, в самом деле сойду с ума.

ФЕСТЕ. Придержите язык, пастор неподалеку. — Бедный Мальволио! Что ты там лопочешь? Ложись-ка спать, а уж я помолюсь о том, чтобы небеса вернули тебе рассудок.

МАЛЬВОЛИО. Сэр Топас!

ФЕСТЕ. Своими разговорами, дружище, вы ему только вредите. — Я, сэр? Да я ему и слова не сказал. Благослови вас Бог, сэр Топас, за вашу доброту. — Ладно уж, аминь. — И вам того же, сэр, и вам того же.

МАЛЬВОЛИО. Шут! Шут! Поди сюда, шут!

ФЕСТЕ. Да здесь я, сэр. Говорите, что хотите, а я ухожу. Мне уже и так попало за разговоры с вами.

МАЛЬВОЛИО. Дорогой шут, ты только не забудь принести свечу, перо и бумагу. Уж ты мне верь, я в таком же здравом рассудке, как и большинство иллирийцев.

ФЕСТЕ. Так-то оно так, сэр, но все-таки...

МАЛЬВОЛИО. Дам руку на отсечение, что так оно и есть. Поскорей исполни мою просьбу. Я напишу записку, ты передашь ее госпоже. Ни на одном письме ты столько не заработаешь, сколько на этом.

ФЕСТЕ. Так и быть, помогу вам. Но только если вы скажете мне правду. Вы действительно в своем уме? Или не в своем, а притворяетесь?

МАЛЬВОЛИО. Да не притворяюсь я. Даю тебе честное слово.

ФЕСТЕ. Чтобы поверить сумасшедшему, надо прежде увидеть его мозги. Что ж, я пошел за огнем и письменными принадлежностями.

МАЛЬВОЛИО. Шут, моя благодарность не будет иметь предела. Только, пожалуйста, побыстрей.

ФЕСТЕ (*поет*). Я и на ходу

С ходу разведу
Всякую беду.
И в единый миг,
Словно Грех-старик,
Я к тебе приду.

На расправу скор,
Он схватил топор,
К сатане полез.
Когти и клыки
Изрубил в куски.
«До свиданья, бес!»

(*Уходит.*)

Сцена третья

Дом графини Оливии.

Входит СЕБАСТЬЯН.

СЕБАСТЬЯН. Дышу я, вижу славное светило,
Держу ее подарок — жемчуга,
А значит, не безумьем я опутан,
Но колдовством. Антонио все нет.

В «Слоне» я не застал его, но знаю,
Что в город вышел он меня искать.
Сейчас он был бы кстати. Для меня
Его совет дороже всяких денег.
Рассудок мой, не доверяя чувствам,
Твердит, что здесь какая-то ошибка,
А не безумный бред, хотя судьба,
Мне океан блаженства подарив,
Так непонятна и необъяснима,
Что я уже не верю ни глазам,
Ни разуму, который в чем угодно
Мог убедить меня. Одно из двух:
Я не в своем уме или она.
Но я же видел, как она спокойно
Ведет хозяйство, держит слуг в узде
И может с делом справиться любым...
Но в чем же здесь подвох? А вот и леди!

Входят ОЛИВИЯ и СВЯЩЕННИК.

ОЛИВИЯ. Поторопилась я, но не сердись.
Захочешь — мы пойдем с тобой в часовню,
И там, в ее стенах благословенных,
Ты в честности намерений своих
Перед святым отцом и поклянешься, —
Чтоб улеглись ревнивые сомненья
В моей душе. Но будет он молчать,
Пока не возымеешь ты желанья
Назначить дату бракосочетанья
И сообразно сану моему
Свершить обряд. Что скажешь ты на это?
СЕБАСТЬЯН. Что поспешу я за отцом святым
И что обет мой будет нерушим.
ОЛИВИЯ. Пойдем же. Этот чистый небосвод
Убережет нас от любых невзгод.

(Уходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Перед домом Оливии.

Входят ФЕСТЕ и ФАБИАН.

ФАБИАН. Ты меня уважаешь?

ФЕСТЕ. Допустим.

ФАБИАН. Дай мне прочесть это письмо.

ФЕСТЕ. А ты меня уважаешь?

ФАБИАН. Предположим.

ФЕСТЕ. Не проси у меня письма.

ФАБИАН. Это называется — за дога просит он немного: того же дога.

Входят ОРСИНО, ВИОЛА, КУРИО и ПРИДВОРНЫЕ.

ОРСИНО. Друзья мои, вы не из дома леди Оливии?

ФЕСТЕ. Да, сэр, мы его фасад.

ОРСИНО. Твой-то фас мне знаком. Как дела, дружище?

ФЕСТЕ. По-разному, сэр. Лучше, когда я слушаю врагов; хуже, когда слушаю друзей.

ОРСИНО. Наоборот: лучше, когда слушаешь друзей.

ФЕСТЕ. Нет, сэр, врагов.

ОРСИНО. Это еще почему?

ФЕСТЕ. Потому что своими похвалами друзья меня портят, и я поневоле становлюсь ослом; а враги — в глаза называют ослом, и я постепенно познаю самого себя. И если умозаключения действительно похожи на женщин, для которых два «нет» равны одному «да», то и выйдет, что прислушиваться к врагам лучше, чем выслушивать друзей.

ОРСИНО. Блестящее рассуждение!

ФЕСТЕ. Увы, сэр, это похвала. Значит, вы мне друг.

ОРСИНО. Моя-то дружба тебе на руку: держи золотой.

ФЕСТЕ. Сэр, вы же не однорукий. Попросите вашу левую руку последовать примеру правой.

ОРСИНО. Кажется, это дурной пример.

ФЕСТЕ. Милорд, если вы не хотите, чтобы ваша милость походила на милостыню, действуйте от всей души.

ОРСИНО. Что ж, возьму грех на душу, сыграю в две руки: держи еще один.

ФЕСТЕ. Если уж играть, то primo, secundo, tertio. Если петь,

то в три голоса. Если пить, то на троих. А в подтверждение, сэр, колокола Святого Бена; слышите: раз, два, три...

ОРСИНО. Хватит морочить мне голову. Больше ни монеты из меня не вытянешь. Впрочем, если ты доложишь графине... или нет: если ты сходишь за ней, моя щедрость может проснуться.

ФЕСТЕ. Она не больно-то разоспится — я мигом слетаю. Только имейте в виду: если я согласился взять у вас пару монет, из этого не следует, что я взяточник. Что, сэр, вы уже убаюкали вашу щедрость? Напрасно, через пару минут я ее подниму. (*Уходит.*)

Входят АНТОНИО, ОФИЦЕР и СТРАЖНИК.

ВИОЛА. Вот он вступился за меня, милорд.

ОРСИНО. Его я где-то видел... Ну, конечно!

Тогда он, правда, был, как тот Вулкан,
Весь дымом закопчен пороховым.
Командуя суденышком — убогим
По водоизмещенью и размерам, —
Он флагману флотилии моей
Нанес такой урон непоправимый,
Что, помня о потерях, но забыв
О зависти, ему рукоплескали
Его враги. — В чем дело, доложите.

ОФИЦЕР. Вот, государь, Антонио — тот самый,
Который в море «Феникса» разграбил,
А «Тигра» так и вовсе захватил.
В той схватке абордажной ваш племянник
Едва в живых остался. А теперь
Он, наглости набравшись, заявился
В столицу и ввязался в поединок.
Тут мы его и взяли.

ВИОЛА. Он услугу
Своею шпагою мне оказал.
Но после так невнятно говорил,
Что показался мне умалишенным.

ОРСИНО. Ах ты пират! Ах ты морской бродяга!
Что это — глупость или безрассудство? —
Проникнуть к тем, кого заставил ты
Твоими неприятелями стать
И цену крови заплатить за это?

АНТОНИО. Я не согласен, герцог благородный
Носить такие клички. Сроду не был
Антонио бродягой и пиратом,
Хоть и считается врагом Орсино.

Я душу драгоценную свою
С молитвой возложил. И как мне быть?

ОЛИВИЯ. Милорд, как вам угодно.

ОРСИНО. Если б я
Был сердцем как египетский убийца,
Я б истребил, как он в предсмертный час,
Свою любовь — и ревность дикарей
Порой имеет привкус благородства.
Вот что я вам скажу: хоть надругались
Вы над моею страстью — мне известно,
Каким орудьем вырезали вы
Меня из сердца вашего, — но вам
Дарю я жизнь, бесчувственный тиран.
А вашего любимчика, в котором
И я, почти как вы, души не чаял,
Вовек не сыщет взор жестокий ваш,
Присвоенный пронырливым слугою.
Пошли, мой агнец, зло во мне клокочет.
Пришел твой срок попасть под мой клинок,
Душа твоя воронья, голубок!

ВИОЛА. Чтоб вам доставить радость, буду рад
Я смерть от вас принять сто раз подряд!

ОЛИВИЯ. Куда же ты?

ВИОЛА. К тому, кого люблю.
Он жизнь моя, мои глаза, мой свет,
Он — все, и мне до женщин дела нет.
А если лгу — отсохни мой язык! —
То пусть погибну я, как клеветник!

ОЛИВИЯ. Меня бросает он! Какой обман!

ВИОЛА. Вас обманули? Кто он, этот плут?

ОЛИВИЯ. Ты что, не помнишь, как тебя зовут?
Ты все забыл? Священника позвать!

(СЛУГА уходит.)

ОРСИНО. Идем за мной!

ОЛИВИЯ. Цезарию, куда ты?

Супруг, вернись!

ОРСИНО. Супруг?!

ВИОЛА. Мы не женаты!

ОЛИВИЯ. Ты смеешь отрицать?

ОРСИНО. Ты муж ее?

ВИОЛА. Нет, нет и нет!

ОЛИВИЯ. Где ж мужество твое?

Не унижайся, даже если страшно.
Смелей, мой друг! Не упusti фортуна.
Стань, кем ты должен стать, и в полный рост
Предстанешь перед тем, кого боишься.

Входит СВЯЩЕННИК.

Добро пожаловать, святой отец!
Хоть мы не собирались говорить
О нашей тайне, но совсем случайно
Она открылась. Я вас попрошу
Во имя сана вашего ответить,
Что здесь меня и юношу того
Не так давно соединило?

СВЯЩЕННИК. Узы
Святой любви и нерушимый брак.
Его скрепили сочетаньем рук,
Заверили священным поцелуем,
Замкнули надеванием колец.
Я лично был свидетелем обряда
И утвердил, как водится, его,
И с той поры, как говорят часы,
На два часа приблизился к могиле.

ОРСИНО. Паршивый пес! В кого ты превратишься,
Когда седую плешью заблестишь?
Или, обман помножив на обман,
Ты попадешься в собственный капкан?
Она твоя! Но бойся даже днем
Ты оказаться на пути моем!

ВИОЛА. Милорд, я вам клянусь...

ОЛИВИЯ. Тот не в чести,
Кто в страхе честь не может соблюсти.

Входит ЭНДРЮ.

ЭНДРЮ. Ради всего святого, позовите хирурга. А сэру Тоби двоих. Поскорее!

ОЛИВИЯ. А что произошло?

ЭНДРЮ. У меня череп расколот, у сэра Тоби башка в кровь разбита. Всего святого ради — все на помощь! Сорок фунтов тому, кто доставит меня домой.

ОЛИВИЯ. И кто, сэр Эндрю, вас так покалечил?

ЭНДРЮ. Какой-то Цезарио, придворный герцога. Мы-то думали, он ни то, ни се, а это бес какой-то во плоти.

ОРСИНО. Вы не его имеете в виду?

ЭНДРЮ. Господи помилуй, он здесь! Вы мне раскокали череп — а за что, спрашивается? Ведь ничегошеньки не было. А если и было, что с того? Это все сэр Тоби.

ВИОЛА. О чем вы? Я и знать-то вас не знаю.

Набросились вы первый на меня.

Но я вас убедил убрать оружие,

И пальцем не дотронувшись до вас.

ЭНДРЮ. Пальцем вы меня действительно не тронули, но убедить убедили. Теперь я знаю, что для вас снести полбашки — плевое дело.

Входят ТОБИ и ФЕСТЕ.

А вот и сэр Тоби. Сейчас он дохромает и такое порасскажет... А если бы его не развезло, он бы вас за все хорошее тоже по головке не погладил.

ОРСИНО. Что это с вами, джентльмены, стряслось?

ТОБИ. Ничего не стряслось. Просто получили по мозгам, и ничего больше. — Друг сердечный, где сейчас Дик-костоправ?

ФЕСТЕ. Под мухой, сэр Тоби. Лыка не вяжет уже с обеда, а залил глаза еще до завтрака.

ТОБИ. Какое свинство! Вот ведь тупорылый сукин сын. Чтоб он издох, пьяная свинья.

ОЛИВИЯ. К врачу его. Он сильно изувечен.

ЭНДРЮ. Обопритесь на меня, сэр Тоби, нам по пути.

ТОБИ. На кого опереться? На тебя? Ах ты безмозглый осел! Пустоголовый болван! Узколобая дрянь! Кретин!

ОЛИВИЯ. Всех уложить в постель и осмотреть.

(ТОБИ, ЭНДРЮ, ФАБИАН и ФЕСТЕ уходят.)

Входит СЕБАСТЬЯН.

СЕБАСТЬЯН. Мне очень жаль, мадам: ваш дядя ранен.

Но будь он даже брат мне, было б глупо

Не защитить себя. Я знал наверно,

Что оскорбитесь вы, и все ж не надо

Так отчужденно на меня смотреть.

Хоть ради нашей клятвы обоюдной,

Любовь моя, помилуйте меня.

ОРСИНО. В глазах двоится или у двоих

Одни и те ж лицо, фигура, голос?

И веришь, и не веришь...

СЕБАСТЬЯН. И куда
 Вы, дорогой Антонио, пропали?
 Мучительною пыткой для меня
 Был каждый час, пока я вас искал.

АНТОНИО. Вы Себастьян?

СЕБАСТЬЯН. Я, что же, изменился?

АНТОНИО. Но как же вы удвоиться могли?
 Два яблока не более похожи,
 Чем друг на друга эти близнецы.
 Кто ж Себастьян из вас?

ОЛИВИЯ. Вот чудеса!

СЕБАСТЬЯН (*глядя на ВИОЛУ*).
 Он ведь не я... Не в силах человек
 Быть здесь и там в одно и то же время.
 Нет брата у меня. Была сестра.
 Она проглочена слепой бездной.
 О небо, мы не родственники с вами?
 Вы кто? Кто ваш отец? Откуда вы?

ВИОЛА. Из Мессалины. Были у меня
 Отец и брат, и оба Себастьяны.
 Но если дух вы брата моего,
 Лежащего в могиле водяной,
 И можете являться в том же виде,
 То посланы вы нас свести с ума.

СЕБАСТЬЯН. Я в самом деле дух, но облеченный
 Еще в утробе низменной плотью.
 Но если бы вы женщиною были, —
 А дело только в этом, — я бы слезы
 На ваши щеки пролил с криком: «Здравствуй,
 Виола, погребенная в волнах!»

ВИОЛА. На лбу отца здесь родинка была.

СЕБАСТЬЯН. Ну да, была...

ВИОЛА. И умер он в тот день,
 Когда Виоле стукнуло три...

СЕБАСТЬЯН. ...надцать!
 Навеки это врезалось мне в память:
 В тот самый день он счеты с жизнью свел.

ВИОЛА. Хотя мешает счастью только мой
 Мужской костюм, мной взятый напрокат,
 Ты, прежде чем обнять меня, сведи
 Все то, что с нами случилось, воедино
 И докажи им всем, что я Виола.
 Я платье спрятала у капитана,
 Который мне по-дружески помог

Устроиться, при герцоге пристроив.
С тех пор моя зависела судьба
От воли госпожи и господина.
СЕБАСТЬЯН (ОЛИВИИ). Итак, миледи, вы слегка ошиблись.
Но вас природа правильно вела.
Не знали вы, что с девушкою в брак
Вам хочется вступить. Но кое в чем
Все так и получилось: ваш супруг,
Клянусь вам, сроду девушек не знал.
ОРСИНО. Я вижу, леди, вы потрясены.
Но он дворянской крови. Если так
И если не ослеп я, повезло
И мне при этом кораблекрушение.

(ВИОЛЕ.)

Сто раз, малыш, ты клялся мне, что женщин
Ты так любить не будешь, как меня...
ВИОЛА. И сотни раз те клятвы повторю
И сохраню их в сердце, как хранится
Огонь в небесной сфере — чтобы день
От ночи отделять.
ОРСИНО. Дай руку мне!
И в женском платье предо мной предстань.
ВИОЛА. Его припрятал где-то капитан,
Спаситель мой. Но он был по доносу
Мальволио, дворецкого миледи,
Под стражу взят.
ОЛИВИЯ. Освободить его!
Пошлите за Мальволио. Ах да!
Я вспомнила. Он, бедный, говорят,
Совсем с ума сошел.

Входят ФЕСТЕ с письмом и ФАБИАН.

Но если это
Исчезло вдруг из памяти мой,
То я, должно быть, вовсе без ума.

(ФЕСТЕ.)

Скажи мне, как он чувствует себя?
ФЕСТЕ. Он, мадам, всюю воюет с Вельзевулом — в силу своего
нынешнего состояния, конечно. А вот его письмо к вам. Оно напи-

сано еще утром, но мне было как-то недосуг его передать. С другой стороны, какая разница, когда читать письма умалишенных, это же не Священное Писание.

ОЛИВИЯ. Вскрой и прочти.

ФЕСТЕ. Все сюда! Стоит посмотреть, как дурак исполнит роль сумасшедшего. (*Читает.*) «Бог свидетель, мадам...».

ОЛИВИЯ. Ты тоже спятил? Перестань кривляться!

ФЕСТЕ. Я не спятил, мадам, просто читаю, как сумасшедший. Чтобы ваше сиятельство постигло суть письма, прошу позволить мне войти в роль.

ОЛИВИЯ. А я тебя прошу не сходить с ума. Читай.

ФЕСТЕ. Я и читаю, мадонна. Но для этого придется прикинуть-ся душевнобольным, иначе ничего не получится. Итак, внемлите мне, моя принцесса...

ОЛИВИЯ. Пусть он прочтет. Отдай ему письмо.

ФАБИАН (*читает*). «Бог свидетель, мадам, вы оскорбили меня, и я буду рассказывать об этом всем и повсюду. Вы засадили меня в темницу, вы позволили вашему вечно пьяному дяде издеваться надо мной, а ведь я, подобно вашему сиятельству, в состоянии сам отвечать за свои поступки. Когда я обнародую ваше собственноручное письмо, согласно которому мною был принят соответствующий тон, оно послужит доказательством моей несомненной правоты, а вам станет стыдно. Ваше мнение обо мне меня больше не интересует. Думаю, вы догадываетесь, почему я допускаю не совсем почтительные выражения. Незаслуженно обиженный и якобы сумасшедший Мальволио».

ОЛИВИЯ. Он сам писал письмо?

ФЕСТЕ.

Увы, мадам.

ОРСИНО. Здесь вроде нет безумья.

ОЛИВИЯ.

Фабиан,

Сходи за ним и приведи сюда.

(ФАБИАН *уходит*.)

И если вы изволите, милорд
Считать меня сестрой, а не женой,
То вы наш гость, коль будет вам угодно.
Пусть не один, а два союза брачных
Венчает этот день.

ОРСИНО.

С охотой, леди,

Я погощу у вас.

(ВИОЛЕ.)

Ваш господин.

ОЛИВИЯ. А у меня — сестра.

ОРСИНО.

Безумце говорили?

ОЛИВИЯ.

Да, милорд.

Мальволио, что вы сказать хотите?

МАЛЬВОЛИО. Что вы меня унизили, мадам.

Унизили с неслыханным коварством.

ОЛИВИЯ. При чем здесь я, Мальволио?

МАЛЬВОЛИО.

При том.

Вот вам письмо. Скажите, что не вы
Его писали; что не ваш здесь почерк,
Не ваши фразы, словосочетанья
И наконец не ваша здесь печать.
Не скажете. А стало быть, я прав.
Тогда прошу по-совести ответить:
Зачем вы мне любезности дарили?
Принудили все время улыбаться
И желтые, подвязанные накрест,
Чулки носить? Зачем вы приказали
Сурово с сэром Тоби обходиться,
Третировать прислугу? Уповаю
На вашу милость, я исполнил все —
А вы давай глумиться?! Содержать
В крошечной тьме. Науськивать попа.
Но для чего? Чтoб выставить меня
На поругание и посмеянье?
Ответьте мне.

ОЛИВИЯ.

Мальволио, увы:

Похожий почерк, но отнюдь не мой.

Письмо написано рукой Марии.

Припоминаю: именно она

Сказала, что в уме вы повредились.

А тут и вы — с улыбкой до ушей,

Разряженный, как сказано в записке.
Придите же в себя. Вас разыграли,
И чересчур жестоко. Но когда
Мы выявим зачинщиков проделки,
То как истец вы обратитесь в суд,
А как судья объявите вердикт.

ФАБИАН. Позвольте, леди, мне все объяснить,
Чтоб склоки и скандалы не чернили
Событий, происшедших в этот час
На удивленье всем. В такой надежде
Я вам скажу: Мальволио досталось
От сэра Тоби... ну, и от меня
За то, что грубо и высокомерно
Себя он вел. Мария написала
Письмо по наущенью сэра Тоби.
За это он уже, я полагаю,
На ней женился. Знаю, слишком зло
Шутили мы, но все-таки шутили.
И лучше обратить все дело в шутку,
Чем навсегда обиду затаить;
А если вспомнить, кто кому нанес
Большее оскорбленье, — и подавно.

ОЛИВИЯ. Они тебя измучили, бедняжка!

ФЕСТЕ. Значит, «одни высоки от рождения; другие сами достигают высот; третьих на высоту втаскивают»? Я тоже, сэр, участвовал в этой интермедии. Я был сэром Топасом, но не в этом дело. «Бог свидетель, шут, я не спятил!» Припоминаете? А вот это: «Удивляюсь, мадам, неужели вас действительно веселит этот скучный мошенник? Не смейтесь над ним, и он не будет открывать рта». Вот что значит круговорот времен: сперва ты в лоб, потом тебя по лбу.

МАЛЬВОЛИО. Я вам, бандиты, крепко отомщу!

(Уходит.)

ОЛИВИЯ. Он в самом деле до смерти обижен.

ОРСИНО. Догнать его, со всеми помирить

И заодно спросить про капитана.
А там наступит рай: соединение
Влюбленных душ. Мы наше торжество
Здесь проведем, любезная сестра.
Идем со мной, Цезарио. Я буду
Тебя так звать, пока в мужском ты платье,

А миг настанет в женском появиться, —
Волшебница, хозяйка и царица!

(ВСЕ, *кроме* ФЕСТЕ, *уходят.*)

ФЕСТЕ (*поет*). Когда я был молокосос —

Ах, ветер, дождь и снег! —
В игрушки я играл и рос,
А дождь идет весь век.

Когда же в люди вышел я —
Да, ветер, дождь и снег! —
Житья не стало от воря,
А дождь идет весь век.

Когда женился я, дурак, —
Ну, ветер, дождь и снег! —
Не мог добра нажить никак,
А дождь идет весь век.

Когда же стал я стариком —
Что ж, ветер, дождь и снег! —
Башка болела под хмельком,
А дождь идет весь век.

Давным-давно был создан мир —
Все ветер, дождь и снег! —
А вам, пока идет Шекспир,
Ходить в театр весь век.

(*Уходит.*)

28 сентября 2002 — 5 апреля 2003

